

СКОТТ
ВЕСТЕРФЕЛЬД

Бестселлер The New York Times

УРОДИНА

Представьте мир,
где нет места
несовершенству

Скотт Вестерфельд
Уродина
Серия «Мятежная»
Серия «Мир Тэлли Янгблад»
Серия «Уродина», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33393343

Уродина: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-107476-0

Аннотация

В постапокалиптическом мире будущего, в котором живет Тэлли, всем подросткам, достигшим шестнадцати лет, делают пластическую операцию, чтобы превратить их в ослепительных красавцев. Тэлли осталось ждать совсем недолго: через пару недель из вызывающей отвращение уродины она преобразится в красотку и все кардинально изменится. Ведь единственная задача красавцев и красавиц в высокотехнологичном раю – веселиться и получать удовольствие от жизни.

Но не все жители Уродвилля стремятся стать красивыми. И когда новая подруга Тэлли, Шэй, сбегает в Дым – убежище мятежников, мир красавцев раскрывается для Тэлли по-новому, и он уже далеко не так безупречен, как все привыкли его

видеть. Представители власти ставят перед Тэлли невозможное условие: или она находит Шэй и сдает ее, или Тэлли никогда не превратится в красавицу. От решения Тэлли зависит ее будущее, которое может измениться навсегда...

Содержание

Часть первая. Стать красивой	6
Нью-Красотаун	6
Лучшие друзья навек	15
Шэй	29
Взгляд в будущее	48
Жуткая скука	57
Пороги	65
Ржавые руины	74
В ожидании Дэвида	83
Ссора	91
Последняя шалость	102
Операция	115
Комиссия по чрезвычайным обстоятельствам	122
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Скотт Вестерфельд

Уродина

Scott Westerfeld

Uglies

© Н. А. Сосновская, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Часть первая. Стать красивой

*Что плохого в том, чтобы наполнить общество
красивыми людьми?*

Янь Юань

Нью-Красотаун

Небо в этот июньский вечер было цвета кошачьей блевотины.

«Правда, – размышляла Тэлли, – чтобы получился вот такой розовый цвет, нужно долго и упорно пичкать кошку кормом с добавлением искусственной лососины».

Ветер гнал высоко по небу тусклые, рваные чешуйки облаков. Постепенно смеркалось, и между облаками начали проступать темно-синие провалы ночного неба, оно становилось похожим на перевернутый океан, бездонный и холодный.

В любое другое лето такой закат можно было бы назвать красивым. Но в мире не осталось ничего красивого с тех пор, как Перис похорошел. Очень паршиво терять лучшего друга, даже если теряешь его всего на три месяца и два дня.

Тэлли Янгблад дожидалась темноты.

В открытое окно был виден Нью-Красотаун. Уже загорелись бальные башни, по дорожкам парков поползли змеи фа-

кельных шествий. По небу поплыло несколько надутых горячим газом воздушных шаров. Стоявшие в гондолах пассажиры обстреливали другие шары и парапланеристов безопасными фейерверками. Смех и музыка отражались от воды и летели, как умело брошенные «блинчиками» плоские камешки, и Тэлли казалось, будто края этих камешков больно бьют по ее нервам.

Окраины, отрезанные от центральной части города черным овалом реки, покрывала тьма. Уродцам в такое время полагалось спать.

Тэлли сняла с пальца кольцо-интерфейс и проговорила:
– Спокойной ночи.

– Приятных снов, Тэлли, – ответила ей комната.

Девушка сжевала таблетку-зубочистку, взбила подушки, включила старенький переносной обогреватель, дававший примерно столько тепла, сколько бы его производило спящее человеческое существо размером с Тэлли, и засунула этот обогреватель под одеяло. Потом она вылезла из окна.

Небо наконец стало черным как уголь. Как только Тэлли оказалась снаружи, у нее на душе сразу полегчало. Может быть, затея была и глупая, но уж лучше так, чем еще одну ночь валяться в кровати без сна и жалеть себя. Пробираясь по знакомой, усыпанной опавшими листьями тропинке к берегу, Тэлли легко было представить, что за ней бесшумно крадется Перис и сдерживает смех, что он, как и она, готов всю ночь подглядывать за новоиспеченными красотками и

красавцами. Вместе. Они с Перисом придумали, как обманывать майндер – систему кибернетического управления домом, когда им было по двенадцать лет. Тогда им казалось, что разница в возрасте в три месяца никогда не будет иметь значения.

– Лучшие друзья навек, – пробормотала Тэлли и провела кончиками пальцев по маленькому шрамику на правой ладони.

За деревьями сверкала река. До Тэлли доносился плеск легких волн, расходящихся от глайдеров. Тэлли пригнулась и спряталась в камышах. Летом шпионить лучше всего. Прибрежная трава высокая, всегда тепло, и не надо на следующий день мучительно сражаться со сном на уроках.

А вот Перис теперь вообще может спать сколько заблагорассудится. Одна из привилегий красавчиков.

Старый тяжелый мост протянулся над водой. Его массивные металлические конструкции казались такими же черными, как небо. Мост был построен так давно, что сам выдерживал собственный вес, ему не требовались никакие гравитопоры. Пройдет миллион лет, город рассыплется в прах, а мост, наверное, останется, словно кость окаменелого животного.

В отличие от других мостов Нью-Красотауна, старый мост не умел разговаривать – и, что важнее, не умел сообщать о нарушителях. Однако, пусть он и был немой, этот мост всегда казался Тэлли жутко мудрым, таким же знающим обо

всем на свете, как какое-нибудь древнее дерево.

Глаза Тэлли уже окончательно привыкли к темноте, и через несколько секунд она разыскала леску, привязанную к камню в обычном месте. Тэлли дернула за леску и услышала, как плеснула по воде веревка, спрятанная между опорами моста. Тэлли тянула леску к себе до тех пор, пока в руках у нее не оказалась мокрая, тут и там затянутая узлами веревка, другой конец которой был привязан к стальной балке в основании моста. Тэлли туго натянула веревку и привязала ее конец к дереву, как обычно.

Ей пришлось снова присесть и спрятаться в камышах, потому что мимо проплывал очередной глайдер. Отплясывавшие на палубе люди не заметили веревку, протянутую от моста к берегу. Они ее никогда не замечали. Новоявленные красотки и красавцы всегда развлекались на полную катушку и не обращали внимания на разные случайные мелочи.

Как только огни глайдера угасли вдаль, Тэлли проверила надежность веревки, повиснув на ней всем весом. Как-то раз веревка отвязалась от дерева, и их с Перисом подбросило вверх, потом швырнуло вниз, потом они опять подлетели вверх и шлепнулись в холодную воду на самой середине реки. Вспомнив об этом, Тэлли улыбнулась и вдруг поняла, что предпочла бы снова вымокнуть в реке вместе с Перисом, чем пусть и остаться сухой, но мерзнуть в одиночку.

Уцепившись за веревку руками и обхватив ее коленями, Тэлли начала передвигаться от узла к узлу. Вскоре она по-

равнялась с черным решетчатым скелетом моста, взобралась на него и побежала на другую сторону, к Нью-Красотауну.

Она знала, где живет Перис, по одному единственному посланию, которое он удосужился ей отправить с тех пор, как стал красавчиком. Адреса Перис не указал, но Тэлли легко раскусила как бы случайные цифры, стоящие в конце письма. Цифры обозначали некое местечко под названием особняк Гарбо в холмистом районе города.

Попасть туда было непросто. Во время своих вылазок Тэлли и Перис всегда старались держаться ближе к берегу, где легко было затаиться в зарослях камышей, среди деревьев и в черной тени Уродвилля. Но теперь Тэлли направлялась к середине острова, где по улицам всю ночь разъезжали карнавальные платформы и не прекращались шествия. Свежеиспеченные красотки и красавчики вроде Периса всегда жили там, где от веселья всех просто лихорадило.

Тэлли хорошо помнила карту города, но стоило ей хоть раз свернуть не туда – и пиши пропало. Без кольца-интерфейса она становилась невидимой для автомобилей. Ее бы просто переехали – будто ее и не было.

Да по большому счету Тэлли и была здесь ничем и никем. Хуже того: она была уродиной. Но она надеялась, что Перис смотрит на это иначе. Что *на нее* он посмотрит иначе.

Тэлли понятия не имела о том, что будет, если ее изловят. Это ведь тебе не наказание за то, что ты «забыла» нацепить колечко, прогуляла уроки или, одурачив майндер, заставила

его завести музыку громче дозволенного. Это все делали, и всех за это наказывали. Однако они с Перисом во время вылазок всегда вели себя очень осторожно, чтобы их не поймали, и на то были причины. Перебраться через реку – это не пустячное баловство.

Но теперь бояться было поздно. Да и что с ней могут сделать? Еще три месяца – и она сама станет красоткой. Тэлли кралась вдоль берега, пока не поравнялась с увеселительным садом. Она скользнула в темноту под плакучими ивами, посаженными в ряд. Прячась под ними, она стала пробираться вдоль аллеи, освещенной небольшими шипящими факелами.

По аллее шла парочка – красавчик и красотка. Тэлли замерла в неподвижности, но их не интересовало ничего вокруг. Они пялились друг на дружку как ненормальные и потому, естественно, не заметили присевшую на корточки под ивами Тэлли. Она, затаив дыхание, проводила парочку взглядом. На сердце у нее потеплело, как всегда, когда она видела красивое лицо. Даже тогда, когда они с Перисом, бывало, подглядывали за красотками и красавчиками из темноты и хихикали над тем, какие глупости те вытворяли и брякали, они все равно не могли отвести от них взгляд. Было что-то волшебное в их огромных, идеально красивых глазах, что-то такое, что заставляло тебя с вниманием прислушиваться ко всему, что бы они ни говорили, что будило в тебе желание оберегать их от любой опасности, стремление

доставлять им радость. Они были... такие красивые.

Парочка исчезла за ближайшим поворотом аллеи. Тэлли помотала головой, чтобы прогнать умиление. Она пришла сюда не для того, чтобы глазеть на красавчиков. Она чужая, прокрававшаяся без разрешения, она уродка. И у нее есть дело.

Сад тянулся по городу, он извивался, словно черная река, между ярко освещенными бальными башнями и домами. Еще через несколько минут, пробираясь по саду, Тэлли спугнула парочку, спрятавшуюся в кустах. В конце концов, это был *увеселительный* сад. Но в темноте красotka и красавчик не разглядели лица Тэлли. Они только захихикали над ней, а она промямлила извинения и поспешила удалиться. Да и она плохо их рассмотрела, увидела только сплетение идеально красивых рук и ног.

Наконец сад закончился. Оставалось несколько кварталов до того места, где жил Перис.

Тэлли выглянула из-за завесы плюща. Так далеко они с Перисом никогда не забирались, и как быть теперь, она не знала – ее план заканчивался на этом самом месте. Спрятаться на многолюдных, ярко освещенных улицах невозможно. Она провела кончиками пальцев по лицу, нащупала широкий нос и узкие губы, слишком высокий лоб, копну спутанных кудряшек. Один шаг из-за кустов – и ее заметят. Стоит свету коснуться ее лица – и оно выдаст ее с головой. Что она тут делает? Самым благоразумным будет вернуться во тьму Уродвиля и ждать своей очереди.

Но ей нужно было увидеть Периса, поговорить с ним. Зачем – этого она и сама точно не знала, но каждую ночь, ложась спать, она мысленно разговаривала с ним, представляла, что он ответит. Это было невыносимо. В детстве они проводили вместе каждый день, и вот теперь... ничего не осталось. Может быть, если им удастся хотя бы несколько минут поболтать наяву, она сможет перестать беседовать с воображаемым Перисом. Трех минут настоящего разговора ей хватило бы на все три месяца.

Тэлли посмотрела вправо, влево, поискала глазами боковые дворы, через которые можно было бы проскочить, и темные подъезды, в которых можно было затаиться. Она чувствовала себя как скалолаз перед отвесной скалой, ищущий взглядом трещины и уступы.

Поток машин начал постепенно рассасываться. Тэлли ждала, потирая шрамик на правой ладони. Наконец она вздохнула и прошептала:

– Лучшие друзья навек.

Затем она шагнула на свет.

Справа на нее обрушился шумовой взрыв. Она отпрыгнула назад, в темноту, запуталась в плюше, упала на колени на мягкую землю. Несколько секунд она была уверена, что попалась.

Но какофония быстро переросла в пульсирующий ритм. По улице шествовала драм-машина. Шириной с дом, она размахивала десятками механических рук, которыми лупи-

ла по барабанам всевозможных калибров. Позади машины выплясывала толпа гуляк. Они пританцовывали в такт барабанному бою, пили и швыряли бутылки. Бутылки со звоном разбивались о громадную бесчувственную машину.

Тэлли улыбнулась. Гуляки были в масках.

Машина выбрасывала маску за маской, чтобы привлечь побольше участников для этого импровизированного шествия: морды демонов и страшноватых клоунов, зеленых чудищ и сероликих инопланетян с большими овальными глазами, кошек, собак и коров, физиономии со зловещими ухмылками и здоровенными носами.

Процессия двигалась неспешно. Тэлли отползла подальше в глубь сада. Несколько подвыпивших гуляк прошли так близко, что она уловила тошнотворно-приторный запах, исходивший от бутылок, которые они держали в руках. Через минуту, когда машина удалилась на полквартала вперед, Тэлли выбежала на дорогу и схватила брошенную маску. Свежеотштампованный пластик был еще теплым.

Прежде чем прижать маску к лицу, Тэлли обратила внимание на то, что она такого же мерзко-блеватного цвета, как закат. Рыльце-пяточок, два маленьких розовых уха. Нарядная липучка расплылась по коже, маска обволокла лицо.

В маске свиньи Тэлли протолкалась между пьяных гуляк, оказалась на другой стороне и по перпендикулярной улице устремилась к особняку Гарбо.

Лучшие друзья навек

Особняк Гарбо оказался огромным, ярким и оглушительным.

Он заполнял собой пространство между двумя бальными башнями и выглядел примерно так, как выглядит пузатый заварочный чайник, поставленный между двумя стройными бокалами для шампанского. Обе башни парили на постаментах не шире шахты лифта. Выше находились пять ярусов круговых балконов, заполненных толпами свеженьких красоток и красавчиков. Тэлли поднималась вверх по склону холма к этой троице зданий и пыталась охватить их взглядом, смотря через прорези в маске.

С одной из башен кто-то спрыгнул (или его сбросили) и полетел вниз, крича и размахивая руками. У Тэлли перехватило дух, но она заставила себя смотреть. Буквально за несколько секунд до того, как парень должен был расшибиться в лепешку, сработала спасательная куртка. Заливаясь хохотом, он несколько раз подпрыгнул, как мячик. Вскоре красавчик мягко опустился на землю совсем недалеко от того места, где стояла Тэлли. Она слышала, как он то хихикает, то нервно икает. Он испугался не меньше ее.

Тэлли зябко поежилась. Да, вот так прыгнуть было ничуть не опаснее, чем для нее стоять перед этими высоченными башнями. Спасательная куртка действовала с помощью та-

ких же антигравов, которые удерживали на месте сами башни. И если все эти милые игрушки в один прекрасный день сломаются, почти все здания в Нью-Красотауне рухнут.

Особняк был битком набит новенькими, с иголки, красотками и красавчиками. «Эти – самые противные», – всегда говорил про них Перис. Они жили, как уроды, человек по сто в больших спальнях. Правда, в этих спальнях не было никаких правил, если только не считать правилами такие установки: «Веди себя как можно тупее», «Оттягивайся по полной» и «Вопи во всю глотку».

На крыше стояла стайка девушек в бальных платьях. Они кричали как ненормальные, балансируя на самом краю и стреляя по тем, кто гулял внизу, безопасными фейерверками. Совсем рядом с Тэлли на землю рухнул горящий оранжевый шар – холодный, как осенний ветер, и рассеял темноту, окружавшую ее.

– Ой, поглядите, да там хрюшка! – прокричал кто-то сверху.

Все захохотали, а Тэлли поспешила к открытым нараспашку дверям особняка. Из дома выходили двое красоток. Тэлли протолкалась между ними. Они проводили ее изумленными взглядами.

Так все и было, как всегда обещали: одна большая бесконечная вечеринка. Сегодня все были одеты торжественно – в вечерние платья и черные фраки. Поросячья маска Тэлли всех, похоже, жутко смешила. На нее указывали и хохотали,

а Тэлли все шла вперед, не давая никому времени на что-то другое. Конечно, тут все всегда смеялись. Не то что на вечеринках у уродцев – тут никто никогда не подерется, даже спорить не станут.

Тэлли перебегала из одной комнаты в другую, пыталась разглядеть лица, не отвлекаться на огромные красивые глаза, не страдать от ощущения, что ей здесь не место. С каждой секундой, проведенной здесь, Тэлли чувствовала себя все большей уродиной, и этому мало помогало то, что над ней все смеялись до упаду. Но уж лучше пусть хохочут, чем видят ее истинное лицо.

«Узнаю ли я Периса?» – гадала Тэлли на бегу. После операции она видела его всего один раз – когда он вышел из больницы. Тогда у него еще не сошли отеки. Но ведь она так хорошо знала его лицо. Что бы ни говорил Перис, не все красотки и красавчики на самом деле выглядели *совсем* одинаково. За время своих вылазок они с Перисом порой замечали похорошевших, которые казались им знакомыми, похожими на тех или иных уродов и дурнушек. Вроде как брат или сестра – только постарше, увереннее в себе и намного красивее. Такие, каким бы ты завидовал всю жизнь, родись ты сто лет назад.

Но нет, Перис не мог так сильно измениться.

– Хрюшку видели?

– Кого-кого?

– Да тут свинка бродит без привязи!

Хохот и насмешки доносились с нижнего этажа. Тэлли остановилась и прислушалась. Она была совсем одна на лестнице. Похорошевшие, видимо, предпочитали лифт.

– И как она только посмела явиться на нашу вечеринку, нарядившись свиньей! Здесь все должны быть при параде!

– Она явно ошиблась вечеринкой.

– Надо быть совершенно невоспитанной, чтобы явиться в таком виде.

Тэлли сглотнула подступивший к горлу ком. Маска оказалась ничуть не лучше ее собственного лица. Этот фокус ее уже не спасал.

Она побежала вверх, оставив голоса позади. Может быть, о ней забудут, если исчезнуть с глаз долой. Оставалось всего два этажа в особняке Гарбо, а потом – крыша. Перис должен был находиться где-то здесь.

Ага. Если только не ушел на лужайку позади особняка, не улетел на воздушном шаре, не поднялся на бальную башню. А может, он гулял с кем-нибудь по увеселительному саду. Тэлли прогнала последнюю мысль и стрелой помчалась по залу, не обращая внимания на однообразные издевки по поводу ее маски. Время от времени она позволяла себе заглянуть в комнаты.

Ничего, кроме удивленных взглядов, наставленных на нее указательных пальцев и красивых мордашек. Но ни одно из этих лиц не заставило ее вздрогнуть. Периса нигде не было.

– Эй, хрюшка, хрюшка! Эй, вот она!

Тэлли полетела на последний этаж, перепрыгивая через две ступеньки. Она тяжело дышала, ее лоб покрылся испариной, маска изнутри нагрелась и начала отставать от лица, несмотря на клейкие свойства липучки. Группа красавцев и красоток устремилась следом за ней. Они хохотали и наступали друг дружке на ноги, поднимаясь по лестнице.

Осматривать этот этаж времени не было. Тэлли в отчаянии обшарила взглядом зал. Тут, так или иначе, никого не оказалось. Все двери закрыты. Быть может, некоторые из похорошевших девиц (или парней) уподобились спящей красавице.

Если она поднимется на крышу, чтобы там искать Периса, ее изловят.

– Эй, хрюшка, хрюшка!

Пора бежать. Тэлли бросилась к кабине лифта и остановилась, оказавшись внутри.

– Нижний этаж! – выпалила она, задыхаясь. Она ждала, испуганно вглядываясь в зал и обдавая горячим дыханием пластиковую маску. – Нижний этаж! – повторила она. – Закрой дверь!

Ничего не происходило.

Тэлли вздохнула и зажмурилась. Без кольца-интерфейса она – никто, ее словно бы нет. Лифт и не думал ее слушаться.

Тэлли знала, как перехитрить лифт, но для этого требовалось время и перочинный ножик. У нее не было ни того ни другого. Первый из ее преследователей появился в зале.

Она прижалась к боковой стенке кабины лифта, встала на цыпочки. Она изо всех сил старалась стать плоской, чтобы ее не заметили. В зал выбежали еще несколько хорошеньких парней и девушек. Они пыхтели и охали, как типичные красотки и красавчики, непривычные к физическим нагрузкам. Тэлли видела их в зеркале, висевшем на задней стенке кабины лифта.

А это значило, что они увидят ее, как только посмотрят в эту сторону.

– Куда подевалась эта свинья?

– Эй, свинка! Хрюшка!

– Может, на крышу побежала?

Какой-то юноша спокойно вошел в кабину и удивленно оглянулся на «поисковый отряд». Заметив Тэлли, он вздрогнул.

– Боже, как ты меня напугала! – Он заморгал веками, опущенными длинными ресницами, глядя на ее лицо в маске, потом перевел взгляд на свой фрак. – Ой. А разве эта вечеринка не с парадной одеждой?

У Тэлли сердце замерло в груди, во рту пересохло.

– Перис! – прошептала она.

Он пригляделся к ней внимательнее.

– А мы...

Она бросилась было к нему, но, опомнившись, прижалась спиной к стенке кабины. От стояния на цыпочках у нее жутко болели мышцы.

– Перис, это же я!

– Эй, хрюшка! Свинка, ты где?

Он обернулся, услышав голос, доносившийся из зала, вздернул брови и снова посмотрел на нее.

– Закрой дверь. И не открывай, – быстро проговорил он.

Дверь скользнула слева направо и закрылась. Тэлли пошатнулась и отлепилась от стенки. Она сорвала с лица маску, чтобы разглядеть его получше. Это был Перис: его голос, его карие глаза, его привычка удивленно морщить лоб.

Но теперь он был такой *красивый*.

В школе объясняли, как это действует на человека. Не важно, знаешь ты об эволюции или нет. Все равно действует. На всех.

Существует определенный вид красоты – привлекательность, заметная каждому. Большие глаза; губы пухлые, как у ребенка; гладкая, чистая кожа; правильные черты лица и еще тысяча разных мелочей. Подсознательно люди всегда ищут в других эти «метки». Никто не может их не замечать, где бы ни рос, как бы ни был воспитан. За миллионы лет эволюции это стало неотъемлемой частью головного мозга человека.

Большие глаза и пухлые губы говорят: «Я молод и хрупок, я не могу причинить тебе вред, а ты хочешь меня защитить». Все прочее говорит: «Я здоров, я тебя не заражу». И как бы ты ни относился к красавчикам и красоткам, некая часть тебя думает: «Если у нас будут дети, они родятся здоровыми. Я хочу этого красавчика (эту красотку)». Биология,

так объясняли в школе. Невозможно не поддаться этому зову, как невозможно остановить собственное сердце. Невозможно, если ты воочию видишь такое лицо. Красивое лицо.

Как у Периса.

– Это я, – выдохнула Тэлли.

Перис сделал шаг назад, вздернул брови, потом опустил глаза и посмотрел на свою одежду.

Тэлли только теперь вспомнила, что на ней – мешковатый комбинезон, здорово испачканный после того, как она перебиралась по веревке над рекой, ползала по саду, падала на землю среди лиан. Брюки и фрак у Периса были из черного бархата, а сорочка, жилет и галстук сияли белизной.

Она отступила.

– О, прости. Я не хочу тебя запачкать.

– Но что ты здесь делаешь, Тэлли?

– Я просто... – выпалила она и запнулась. Глядя на него, она не знала, что сказать. Все придуманные разговоры вылетели у нее из головы, растаяли в этих больших прекрасных глазах. – Мне надо было узнать... Мы с тобой по-прежнему...

Тэлли подняла правую руку. На фоне прилипшей к поту грязи белел маленький шрамик.

Перис вздохнул. Он не смотрел ни на ее руку, ни в ее глаза. В ее чуть раскосые, близко посаженные тусклокарие глаза.

– Ну да, – ответил он со вздохом и добавил: – Но... неужели ты не могла дождаться, Косоглазка?

Ее уродское прозвище из уст красавчика прозвучало странно. Конечно, еще более глупо было назвать Периса Шнобелем, как она раньше звала его по сто раз на дню. Она замялась.

– Почему ты мне не писал?

– Я пробовал. Но не получалось ничего. Я теперь совсем другой.

– Но ведь мы с тобой... – Она указала на свой шрамик.

– Посмотри, Тэлли. – Он продемонстрировал ей свою правую руку.

Кожа на его ладони была гладкая, без единого изъяна. Эта рука словно бы говорила о Перисе: «Мне не приходится делать тяжелой работы, и я слишком умен, чтобы получать травмы».

Шрамик от пореза, который они когда-то сделали вместе, исчез.

– Его убрали.

– Конечно убрали, Косоглазка. У меня вся кожа новая.

Тэлли часто заморгала. А она и не подумала об этом... Перис покачал головой.

– Ты еще совсем ребенок.

– Лифт ждет распоряжений, – напомнила о себе кабина. – Вверх или вниз?

При звуке синтезированного голоса Тэлли вздрогнула.

– Не открывай дверь, пожалуйста, – спокойно проговорил Перис.

Тэлли облизнула пересохшие губы и сжала пальцы в кулак.

– Но кровь-то они тебе не поменяли. А мы с тобой обменялись кровью.

Перис наконец посмотрел ей прямо в глаза и не скривился, чего она очень боялась. Он очаровательно улыбнулся.

– Нет, кровь не поменяли. Новая кожа, подумаешь. А через три месяца мы с тобой посмеемся над этим. Если только...

– Если только – что?

Тэлли неотрывно смотрела в его огромные карие глаза, полные тревоги.

– Пообещай мне, – сказал Перис, – что ты больше не будешь делать таких глупостей. Что не придешь сюда, как сегодня. Не делай ничего такого, из-за чего можешь попасть в беду. Я хочу увидеть тебя красивой.

– Конечно.

– Тогда пообещай.

Перис был всего на три месяца старше Тэлли, но она потупилась и вдруг почувствовала себя маленькой.

– Ладно, обещаю. Никаких глупостей. И сегодня меня не поймают.

– Хорошо. Теперь надевай свою маску и... – Он вдруг осекся на полуслове.

Тэлли посмотрела на пол. Брошенная ею маска превратилась в горстку розовой пыли. Коврик, лежавший на полу в

кабине лифта, постепенно всасывал ее.

Перис и Тэлли молча уставились друг на друга.

– Лифт ждет распоряжений, – вклинилась кабина. – Вверх или вниз?

– Перис, обещаю: меня не поймают. Никто из красивых не умеет бегать так быстро, как я. Ты только выведи меня из...

Перис покачал головой.

– Вверх, пожалуйста. На крышу.

Кабина тронулась с места.

– Вверх? Перис, но как же я...

– Прямо рядом с дверью в большом ящике – спасательные куртки. Их там полным-полно – на случай пожара.

– Ты хочешь сказать, что я должна спрыгнуть? – охнула Тэлли.

Кабина остановилась, желудок девушки подскочил. Перис пожал плечами.

– Я все время этим занимаюсь. – Он подмигнул ей. – Тебе понравится.

Усмешка сделала его лицо еще более обворожительным. Тэлли не сдержалась, бросилась к нему и обняла. Он оказался таким же, как был, – ну разве что чуть выше ростом, стройнее. Но остался теплым и настоящим. Это по-прежнему был Перис.

– Тэлли!

Дверь открылась, она отшатнулась от Периса. Она перепачкала грязью его белый жилет.

– О нет! Я не...

– Просто уходи!

Он так расстроился, что Тэлли сразу ощутила порыв снова обнять его. Ей хотелось остаться здесь, помочь Перису очистить одежду от грязи, позаботиться о том, чтобы он отправился на вечеринку при полном параде. Она протянула руку.

– Я...

– Иди!

– Но мы с тобой – лучшие друзья, да?

Он вздохнул и стукнул кулаком по коричневому пятну на жилете.

– Да, да, навек. Через три месяца.

Она отвернулась и побежала. Дверь кабины закрылась у нее за спиной.

Сначала на крыше ее никто не заметил. Все смотрели вниз. Было темно, лишь изредка вспыхивали безопасные пестарды.

Тэлли быстро нашла ящик с куртками для прыжков и потянула к себе одну из них. Оказалось, что она пристегнута к ящику. Тэлли попробовала нащупать место соединения. Она очень жалела о том, что у нее нет с собой кольца-интерфейса: оно бы подсказало, что делать.

И тут она вдруг увидела кнопку с надписью: ПРИ ПОЖАРЕ НАЖМИТЕ.

– Вот дерьмо, – прошептала она.

Ее тень подпрыгнула и закачалась. К ней шли две красот-

ки с петардами в руках.

– А это еще кто такая? Как она одета?

– Эй, ты! На этой встрече все должны быть в вечерней одежде!

– Да ты на ее физиономию полюбуйся!

– Вот дерьмо, – повторила Тэлли. И нажала на кнопку.

Воздух пронзил душераздирающий вой сирены. Спасательная куртка словно бы сама прыгнула к Тэлли. Девочка проворно сунула руки в рукава и повернулась лицом к красоткам. Те отпрянули, будто увидели оборотня. Одна из них уронила петарду, и та мгновенно вспыхнула.

– Учебная пожарная тревога, – объяснила Тэлли и побежала к краю крыши.

Как только куртка прикоснулась к ее плечам, «молнии» заползли по ней, как змеи. Пластик плотно обхватил ее талию и бедра. На воротнике загорелся зеленый огонек – в том месте, где Тэлли краем глаза могла его видеть.

– Милая курточка, – проговорила Тэлли.

Но куртке, по всей видимости, не доставало ума для того, чтобы ответить.

Красотки и красавчики, развлекавшиеся на крыше, все разом примолкли и стали оборачиваться и смотреть, правда ли начался пожар. Некоторые указывали на Тэлли, и их губы произносили слово «уродина».

«Интересно, чего они тут, в Нью-Красотауне, боятся больше, – мелькнула мысль у Тэлли, – что дом загорится или то-

го, что на вечеринку проберется уродина?»

Тэлли подбежала к краю крыши, вспрыгнула на парапет и на миг замерла. Из дверей выбегали красотки и красавчики, рассыпались по лужайке и склону холма. Они оглядывались, ища глазами огонь и дым. Но видели только ее.

Было очень высоко, а под ложечкой у Тэлли уже сейчас сосало так, будто она падает. Однако ее охватил странный восторг. Вой сирены, глазающая на нее толпа, огни раскинувшегося внизу Нью-Красотауна, похожие на миллион свечей.

Тэлли вдохнула поглубже и согнула колени, готовясь к прыжку.

Долю секунды она гадала, сработает ли куртка без кольца-интерфейса. Позволит ли она ей подпрыгнуть, как мячику, при том что внутри – как бы никого? Или она, Тэлли, просто расшибется в лепешку?

Но она обещала Перису, что ее не поймают. Куртка предназначалась для чрезвычайных ситуаций, зеленый огонек горел...

– Выше головы! – прокричала Тэлли. И прыгнула.

Шэй

Вой сирены остался наверху и с каждым мигом доносился все слабее. Казалось, прошла уже целая вечность – или всего несколько секунд, – пока Тэлли падала. Лица остолбеневших красавчиков и красоток внизу становились все крупнее и отчетливее.

Земля мчалась навстречу. Темнел пяточок посреди расступившейся перепуганной толпы. Несколько мгновений Тэлли падала, словно во сне, – бесшумно и чудесно.

Но вот возникла явь. Она ощутила, как спасательная куртка вцепилась в ее плечи и бедра. Тэлли знала о том, что она выше ростом, чем полагается быть красоте; видимо, куртка не была рассчитана на такой вес.

Тэлли кувыркнулась в воздухе. Несколько страшных мгновений она летела головой вниз, так близко к земле, что сумела разглядеть в траве брошенную крышечку от пластиковой бутылки. Потом ее подкинуло вверх, она снова перевернулась ногами вниз, завершив оборот, только небо мелькнуло перед глазами, но вращение на этом не закончилось и она опять устремилась вниз. Толпа раздалась в стороны.

Отлично. Она оттолкнулась настолько сильно, что понеслась вниз вдоль склона холма, время от времени падая и подпрыгивая, прочь от особняка Гарбо. Раздувшаяся спасательная куртка несла ее к темноте и безопасности садов.

Тэлли еще пару раз кувыркнулась в воздухе, после чего куртка опустила ее на траву. Подергав наугад за разные завязки, девочка добилась желаемого результата: послышалось шипение, и куртка упала на землю.

Несколько секунд у Тэлли кружилась голова, и она не могла понять, где верх, где низ.

– А она вроде... уродка? – пролепетал кто-то из тех, кто стоял на краю толпы.

В небе появились черные силуэты двух пожарных аэромобилей. Горели красные фары, от воя сирен барабанные перепонки чуть не лопались.

– Идея просто блеск, Перис, – пробормотала Тэлли. – Ложная тревога.

Если бы ее сейчас сцапали, ей бы пришлось очень и очень худо. Она даже не слышала, чтобы хоть кто-то когда-нибудь настолько сильно провинился.

Тэлли опрометью бросилась к садам.

Темнота, сгустившаяся под ивами, немного успокоила ее.

Здесь, на полпути до реки, Тэлли уже не могла судить о том, действительно ли в центре города была поднята самая серьезная пожарная тревога. Но она видела, что ее ищут. В воздухе сновали аэромобили – намного больше обычного, река была очень ярко освещена. Может быть, просто совпадение.

Но может быть, и нет.

Тэлли осторожно пробиралась между деревьев. Так дол-

го они с Перисом в Нью-Красотауне никогда не задерживались. Сейчас в увеселительных садах народу было больше, особенно там, где потемнее. Азарт побега выветрился, и теперь Тэлли начала понимать, какой дурацкой была ее затея с самого начала.

Конечно, у Периса не осталось никакого шрама на руке. Когда-то давно они порезали ладони перочинным ножиком и прижали окровавленные руки друг к другу. Но доктора делали пластические операции куда более острыми и большими ножами. Они сдирали с тебя всю кожу, до мяса, и потом ты покрывался новой кожей, здоровой и чистой. Все старые отметинки – следы детских травм, оспинки, вмятины после прыщиков – исчезали. Жизнь начиналась с чистого листа.

Но Тэлли испортила Перису начало новой жизни. Заявилась, как шкодливый ребенок, которого никто не ждал, и принесла с собой привкус уродства, не говоря уже о грязи на одежде. «Надеюсь, у него есть еще один жилет и он сможет переодеться», – в отчаянии думала Тэлли.

Но Перис вроде бы не очень рассердился. Он сказал, что они снова будут лучшими друзьями, как только она похорошеет. Но он так смотрел на ее лицо... Может быть, как раз поэтому уродцев отделяли от красавцев. Наверное, это было поистине ужасно: увидеть уродливую физиономию, когда ты постоянно окружен такими красивыми людьми. Но что, если она сегодня разрушила все? Что, если Перис теперь всегда будет видеть ее такой – с косящими глазами и кудряшками,

даже после операции?

Над головой Тэлли пролетел аэромобиль. Она пригнулась, присела. Ее, наверное, поймут сегодня, и она никогда не станет красоткой.

И поделом ей будет за ее глупость.

Тэлли вспомнила о своем обещании Перису. Она не даст себя поймать; ради него она должна стать красивой. Краем глаза она заметила вспышку. Тэлли сжалась в комочек и вгляделась в темноту за ветвями плакучей ивы. По парку шла надзирательница. Не юная красотка, а женщина средних лет. Свет фонарика выхватывал из темноты ее черты, характерные для человека, подвергнутого второй операции: широкие плечи, решительный подбородок, острый нос, высокие скулы. В этой женщине чувствовалась такая же властность, как в учителях Тэлли в Уродвилле.

Тэлли сглотнула подступивший к горлу ком. У новеньких красавцев и красоток имелись собственные надзиратели, молодые. И надзирательница средних лет могла появиться в Нью-Красотауне по одной-единственной причине. Они кого-то искали. Искали всерьез.

Женщина осветила фонариком парочку на скамейке – ей хватило секунды, чтобы убедиться, что они красивые. Парень и девушка вскочили, но надзирательница усмехнулась и извинилась перед ними. Ее голос был негромким и уверенным, и парочка сразу расслабилась. Уж если надзирательница объявила, что все в порядке, все сразу становилось в по-

рядке.

Тэлли вдруг захотелось покориться, отдаться на волю мудрого милосердия надзирательницы. Она только объяснит – и надзирательница все поймет и все устроит. Красотки и красавцы средних лет всегда знали, что делать.

Но она дала обещание Перису.

Тэлли отползла в темноту, пытаясь избавиться от жуткого чувства: она – шпионка, незаконно прокрававшаяся сюда, не сдалась добровольно надзирательнице. Она развернулась и как могла быстро пошла к берегу через заросли кустов.

Совсем неподалеку от реки Тэлли вдруг услышала впереди шорох. Темный силуэт вырисовывался на фоне освещавших реку огней. Не парочка. Один человек.

Наверняка надзирательница или надзиратель. Поджидает ее за кустами.

Тэлли едва смела дышать. Она застыла, упираясь в землю коленкой и перепачканной в грязи рукой. Надзиратель пока ее не заметил. Если выждать подольше, может быть, он уйдет.

Тэлли ждала, замерев в неподвижности. Тянулись бесконечные минуты. Силуэт не исчезал. Видимо, надзиратели хорошо знали, что сады – единственное место, где можно проникнуть в Нью-Красотаун и где можно из него улизнуть.

Рука у Тэлли начала дрожать. Мышцы протестовали из-за того, что им столько времени не позволяли пошевелиться. Но Тэлли боялась перенести вес на другую руку. Треск

одного-единственного сучка мог бы ее выдать.

Она совсем застыла. Мышцы от напряжения разболелись. Может быть, «надзиратель» – всего-навсего обман зрения? Может быть, у нее просто разыгралось воображение?

Тэлли заморгала, надеясь, что темная фигура исчезнет.

Но она не исчезала. Яркие огни на берегу четко очерчивали силуэт.

Под коленом у Тэлли хрустнул сучок. Уставшие мышцы все-таки подвели ее. А фигура и не подумала пошевелиться. Но ведь он (или она) наверняка услышал хруст... Надзиратель проявлял доброту – ждал, что она сама сдастся. Иногда учителя в школе так поступали. Тебя заставляли понять, что деваться тебе некуда, и ты признавался во всем.

Тэлли кашлянула. Тихо и жалобно.

– Мне очень жаль... – промямлила она.

«Надзиратель» вздохнул.

– Ой, фу. Эй, все нормально. Я, наверное, тебя тоже напугала.

Незнакомая девочка наклонилась к земле и, помахав руками, скривилась. Похоже, она и сама устала так долго стоять неподвижно. Свет упал на ее лицо.

Она тоже была уродка.

Ее звали Шэй. Длинные темные волосы, затянутые в хвостики. Слишком широко расставленные глаза. Довольно пухлые губы. Очень стройная – даже стройнее юной красотки. Она явилась в Нью-Красотаун на собственную вылазку и

уже час пряталась здесь, у реки.

– Никогда не видела ничего подобного, – прошептала она. – Кругом надзиратели и аэромобили!

Тэлли кашлянула.

– Наверное, это из-за меня.

Шэй с сомнением проговорила:

– Как это тебе удалось?

– Ну... В общем, я была в центре города, на балу.

– Ты приперлась на бал? Это же чокнуться можно! – воскликнула Шэй, спохватилась и перешла на шепот: – Да, чокнуться можно, но ведь и страх какой. Но как ты туда попала?

– Я была в маске.

– Круто! В маске красотки?

– Да нет. В такой... В общем, в маске свиньи. Долго рассказывать.

Шэй удивленно заморгала.

– В маске свиньи. Ладно. Дай-ка я угадаю... Кто-то эту масочку с тебя сорвал?

– А? Да нет. Меня чуть не поймали, вот я и... устроила пожарную тревогу.

– Классно придумала!

Тэлли улыбнулась. Теперь, когда можно было об этом рассказывать, история и вправду выглядела здорово.

– Меня загнали на крышу, и я схватила спасательную куртку и прыгнула. Полпути сюда скакала, как мячик.

– Не может быть!

– Ну, не полпути, но довольно долго.

– Страсть. – Шэй улыбнулась, но тут же стала серьезной и принялась обкусывать ноготь. От этой привычки, в частности, избавляла операция. – А скажи-ка, Тэлли, ты на этот бал потащилась... чтобы кого-то увидеть?

Настала очередь Тэлли удивиться.

– Как ты догадалась?

Шэй вздохнула, глядя на свои обгрызенные ногти.

– У меня тут тоже есть друзья. То есть бывшие друзья. Я иногда за ними подглядываю. – Она подняла голову. – Я всегда самой младшей была, понимаешь? А теперь...

– Ты осталась совсем одна.

Шэй кивнула.

– А ты, похоже, не просто подглядывала.

– Ну да. Я, можно сказать, поздоровалась.

– Вот круто! Твой парень, да?

Тэлли покачала головой. Перис и прежде гулял с другими девчонками, и Тэлли на это не обращала внимания и старалась вести себя точно так же, но их дружба для них обоих всегда была важнее всего в жизни. Вот только теперь, видимо, все изменилось.

– Если бы он был моим парнем, знаешь, я бы вряд ли сюда потащилась. Я бы не захотела, чтобы он увидел мое лицо. Но мы друзья, вот я и подумала, что, может быть...

– Ну ясно. И как все вышло?

Тэлли на секунду задумалась, глядя на рябь на воде. Пе-

рис был такой красивый, такой взрослый на вид. И он сказал, что они снова будут друзьями. Как только Тэлли станет красоткой...

– По большей части мерзко.

– Так я и думала.

– Кроме побега. Вот это было очень круто.

– Верю, – весело проговорила Шэй. – Это ты здорово придумала.

Они на несколько мгновений умолкли, так как над ними прошел аэромобиль.

– Но знаешь, на самом деле мы еще не смылись окончательно, – напомнила Шэй. – В следующий раз, когда вздумаешь устроить пожарную тревогу, ты меня заранее предупреди.

– Прости, что ты тут застряла из-за меня.

Шэй посмотрела на нее и сдвинула брови.

– Я не в этом смысле. Мне просто тоже бы хотелось вот так удирать. Думаю, мне бы понравилось.

Тэлли негромко рассмеялась.

– Ладно. В следующий раз я дам тебе знать.

– Уж пожалуйста, не забудь. – Шэй внимательно осмотрела реку. – Похоже, все немножко успокоилось. Твоя доска где?

– Что-что?

Шэй вытащила из-под куста скайборд.

– У тебя же есть доска? Не поплывешь же ты на другой

берег?

– Нет, я... Послушай, погоди. Как же ты ухитрилась заставить скайборд перенести тебя через реку?

Все, что летало, было снабжено майндерами. Шэй рассмеялась.

– Это же старый-престарый фокус. Я-то думала, ты про это знаешь.

Тэлли пожала плечами.

– Я на скайборде не так часто летаю.

– Да ладно. Моя доска нас двоих выдержит.

– Подожди. Тсс!

Появился другой аэромобиль. Он летел над рекой примерно на высоте мостов.

Тэлли мысленно сосчитала до десяти и только потом позволила себе заговорить снова:

– Мне кажется, это не очень хорошая мысль – лететь обратно.

– Ну а ты-то как перебралась вообще?

– Пойдем со мной. – Тэлли, до этого момента лежавшая на земле ничком, встала на четвереньки и поползла вперед. Оглянувшись, она спросила: – Ты доску свою нести сможешь?

– Конечно. Она легкая. – Шэй щелкнула пальцами. Доска поднялась над землей и поплыла по воздуху вперед. – На самом деле она вообще ничего не весит, если только я ей не прикажу.

– Удобно.

Шэй поползла следом за Тэлли. Скайборд полетел за ней, как воздушный шарик за малышом. Ниточки, правда, видно не было.

– И куда мы направляемся? – поинтересовалась Шэй.

– Я знаю один мост.

– Но он же развопится.

– Этот не развопится. Он мой старый друг.

Тэлли свалилась. Опять.

Правда, на этот раз ей не было так уж больно. В тот момент, когда ее ступни соскользнули со скайборда, она расслабилась, как учила ее Шэй. Ну а то, что ее потом завертело в воздухе, было не страшнее, чем когда тебя, маленькую, держит за руки и кружит отец.

Угу. Если только твой папаша не какой-нибудь там свихнутый супермен и не пытается выдернуть твои руки из плечевых суставов.

Но, как объясняла Шэй, инерция должна была со временем угаснуть. И уж лучше наворачивать круги в небе, чем врезаться в дерево. Здесь, в парке Клеопатры, деревьев хватало.

Еще несколько оборотов – и Тэлли опустилась на землю – целая и невредимая. Только голова кружилась.

Рядом спланировала Шэй – изящно и легко, словно она родилась, стоя на скайборде.

– На этот раз выглядело лучше.

– Выглядело, может, и лучше. – Тэлли стащила с запястья напульсник и стала растирать руку.

Запястье покраснело, пальцы затекли.

Держать напульсник было тяжело. Эти противоударные браслеты обязательно должны были иметь металлическую начинку, поскольку взаимодействовали с магнитами скай-борда. Стоило ступням Тэлли соскользнуть с доски, браслеты начинали вращать ее в воздухе и сдерживали падение. Будто бы являлся какой-то добрый великан, хватал ее за руки и не давал упасть.

За руки. Опять.

Тэлли стащила напульсник с другой руки и принялась растирать запястье.

– Не сдавайся. У тебя почти получилось!

Доска опустилась рядом с ней и ткнулась ей в ноги, будто виноватый пес. Тэлли скрестила на груди руки и стала массировать плечи.

– Меня чуть надвое не разорвало, честное слово.

– Такого не бывает. Уж я сколько раз падала с «американских горок».

– Откуда-откуда?

– Ладно, это я так. Давай-ка, попробуй еще разок.

Тэлли вздохнула. Дело было не только в том, что у нее болели запястья. У нее и коленки ныли из-за того, что все время приходилось приседать и делать резкие повороты, и тогда казалось, что ее тело весит не меньше тонны. Шэй называла

это «перегрузкой» и объясняла, что такое происходит всякий раз, когда быстро движущийся объект меняет направление.

– С виду скайбординг выглядит так классно – летает, как птичка. А на деле это тяжелый труд.

Шэй пожала плечами.

– Быть птичкой – это, наверное, тоже нелегкий труд. Ты представь только: целый день крылышками махать!

– Ну да, может быть. Разве от этого легче?

– Кому? Птицам? Вот уж не знаю. А на скайборде точно легче.

– Хотелось бы верить.

Тэлли натянула напульсники и встала на скайборд. Доска спружинила, принаравливаясь к ее весу.

– Проверь датчик на пупке.

Тэлли прикоснулась к колечку-пирсингу на пупке. К этому колечку Шэй прикрепила маленький датчик – он сообщал доске, где расположен центр тяжести Тэлли и в какую сторону она повернута лицом. Датчик даже определял состояние мышц живота Тэлли, которые, как оказалось, скайбордеры всегда напрягали перед поворотами. Доска была достаточно умной и постепенно постигала тонкости движения человеческого тела – в данном случае тела Тэлли. Чем больше Тэлли летала на скайборде, тем увереннее доска держала ее.

Конечно, Тэлли тоже приходилось учиться. Шэй то и дело повторяла, что, если ты не поставишь ноги как надо, ни

одна доска на свете, даже самая гениальная, не сможет тебя удержать. Для наилучшего сцепления с подошвами поверхность скайборда была устроена на манер резиновой щетки, но соскользнуть с нее при этом было проще простого.

Скайборд имел овальную форму, а длиной был примерно в половину роста Тэлли. Цвет – черный, с серебристыми пятнышками «под гепарда» – единственного животного на земле, умевшего бегать быстрее, чем летит скайборд. Это была первая доска Шэй, и она, когда обзавелась новой, не пожелала расставаться со старым скайбордом, не отдала на переработку. До сегодняшнего дня доска висела на стене у нее над кроватью.

Тэлли щелкнула пальцами, присела и поднялась в воздух, потом наклонилась вперед, чтобы набрать скорость.

Шэй на своем скайборде поднялась выше и держалась чуть позади.

Замелькали деревья, проносившиеся мимо. Хлестали по плечам колючие лапы сосен. Скайборд не позволил бы Тэлли налететь на что-либо твердое, но насчет веток особой заботы не проявлял.

– Руки в стороны. Ноги врозь! – наверное, уже в тысячный раз прокричала Шэй.

Тэлли опасливо выставила вперед левую ногу.

В конце парка Тэлли наклонилась вправо, и скайборд заложил долгий, но крутой вираж. Тэлли согнула ноги в коленях, ощутила, как вырос ее вес. Она полетела в обратном на-

правления.

Вскоре она увидела впереди слаломные флажки. Приближаясь к ним, она присела сильнее. Она чувствовала, как ветер сушит губы и подбрасывает вверх волосы, стянутые в хвост.

– Ой, мамочки, – прошептала она.

Скайборд пронесся мимо первого флажка. Тэлли резко сместилась вправо, расставив руки в стороны для того, чтобы удержать равновесие.

– Вираж! – прокричала Шэй.

Тэлли крутанулась и развернула доску так, что сумела обогнуть второй флажок. Сделав это, она снова заложила вираж.

Но ноги у нее стояли слишком близко. Нет, только не упасть снова! Туфли-липучки скользнули по поверхности доски.

– Нет! – крикнула Тэлли, согнула пальцы ног, вцепилась в воздух руками.

Она была готова сделать все, что угодно, лишь бы удержаться на доске. Правая ступня заскользила к краю доски, Тэлли увидела мысок туфли на фоне деревьев.

Деревья! Она летела почти что лежа на боку, тело параллельно земле.

Промелькнул слаломный флажок, и вдруг неожиданно все закончилось.

Доска под Тэлли откатнулась назад, и ее направление сно-

ва выровнялось.

Она сделала поворот!

Тэлли обернулась, чтобы увидеть Шэй.

– У меня получилось! – крикнула она. И свалилась.

Обескураженная тем, что Тэлли обернулась, доска попыталась сделать соответствующий поворот и в итоге сбросила ее. Руки у Тэлли тут же вытянулись вверх, но она расслабилась. Мир вокруг завертелся. Хохоча, она опустилась на землю, «вися» на напульсниках.

Шэй тоже смеялась.

– *Почти* получилось.

– Нет! Я обогнула флажки! Ты же видела!

– Ладно, ладно. У тебя получилось. – Шэй, смеясь, сошла со скайборда на траву. – Но больше так не пляши. Это не годится, Косоглазка.

Тэлли показала ей язык.

В последнюю неделю Тэлли уяснила, что ее уродское прозвище Шэй употребляет исключительно в насмешку. Шэй настояла на том, чтобы они как можно чаще называли друг друга только настоящими именами, и Тэлли быстро к этому привыкла. На самом деле ей это нравилось. Никто, кроме Сола и Элли – ее родителей – и еще нескольких учителей-зазнаек, не звал ее Тэлли раньше.

– Как скажешь, Худышка. Но было круто. – Тэлли упала на траву. Все тело болело, мышцы ужасно устали. – Спасибо за урок. Нет ничего лучше полетов.

Шэй села на траву рядом с ней.

– Ага. «Кто полюбит свой скайборд, тот со скуки не помрет».

– Мне так здорово не было с тех пор, как...

Тэлли не стала произносить его имя. Она устремила взгляд в ясное голубое небо. Идеальное небо. К тренировкам они приступали ближе к вечеру. Облачка в вышине уже немного порозовели, хотя до заката еще оставалось несколько часов.

– Ну ясно, – понимающе кивнула Шэй. – Мне тоже. Мне тоже до смерти надоело болтаться одной.

– Сколько же тебе осталось?

Шэй ответила не задумываясь:

– Два месяца и двадцать шесть дней.

Тэлли на миг замерла от изумления.

– Это точно?

– Конечно точно.

Тэлли почувствовала, как ее губы расплзаются в широкой улыбке. Она повалилась на спину, громко хохоча.

– Ты, наверное, шутишь. Мы с тобой родились в один и тот же день.

– Не может быть.

– А вот и может. И это здорово. Мы вместе станем красотками!

Шэй немного помолчала.

– Ну да, получается, что так.

– Девятое сентября, да?

Шэй кивнула.

– Вот круто. Я хочу сказать, что я бы не вынесла, если бы пришлось еще одного друга потерять. Понимаешь? Нам с тобой не стоит переживать из-за того, что одна из нас бросит другую.

Шэй села ровно, ее улыбка исчезла.

– Я бы тебя и так не бросила. Тэлли смущенно заморгала.

– Я не сказала, что ты бросила бы... Но...

– Но – что?

– Но когда становятся красотками и красавцами, перебираются в Нью-Красотаун.

– Да? И что? Похорошевшим разрешается приходить сюда. Или писать.

Тэлли фыркнула.

– Но только они этого не делают.

– Я бы сделала.

Шэй устремила взгляд на другой берег реки, на шпили бальных башен, и решительно впилась зубами в ноготь.

– Я бы тоже, Шэй. Я бы к тебе приходила.

– Ты уверена?

– Да. Правда.

Шэй пожала плечами, улеглась на спину и стала смотреть на облака.

– Ну ладно. Но ты не первая, между прочим, кто такое обещает.

– Да, знаю.

Несколько минут они молчали. Тучи медленно проплыли по небу, время от времени заслоняя солнце, воздух становился прохладнее. Тэлли подумала о Перисе, попыталась вспомнить, как он выглядел, когда откликался на прозвище Шнобель. Почему-то теперь она не могла вспомнить его уродливое лицо. словно те минуты, когда она увидела его красавцем, стерли воспоминания длиной в целую жизнь. Теперь она помнила только Периса-красавчика. Нынешние глаза, нынешнюю улыбку.

– Интересно, почему они никогда не возвращаются? – задумчиво произнесла Шэй. – Даже в гости не приходят.

Тэлли сглотнула подступивший к горлу ком.

– Потому что мы такие уродливые, Худышка, вот почему.

Взгляд в будущее

– А вот вариант номер два.

Тэлли прикоснулась к своему кольцу-интерфейсу, и изображение на уолл-скрине – большом настенном дисплее – изменилось.

Эта Тэлли была стройная, с очень высокими скулами, темно-зелеными кошачьими глазами и широким ртом, растянутым в многозначительной улыбке.

– Это, гм... очень необычно.

– Ага. И сильно сомневаюсь, что это вообще допустимо.

Тэлли поиграла с параметрами формы глаз, а брови опустила так, что они стали выглядеть почти нормально. В некоторых городах делали экзотические операции (только новеньким), а здесь власти гордились своей консервативностью. Тэлли сомневалась в том, что врач удостоит этот вариант внимания, но просто было весело выкачивать из программы все ее возможности.

– Думаешь, я очень страшная?

– Да нет. Ты просто натуральная киска, – хихикнула Шэй. – Увы, я говорю в абсолютно прямом смысле. Киска, которая кушаетдохлых мышек.

– Ну ладно, ладно. Поехали дальше.

Следующая Тэлли представляла собой гораздо более близкую к общепринятым стандартам морфологическую мо-

дель¹. Миндалевидные карие глаза, прямые черные волосы с длинными прядями, темные, очень пухлые губы.

– Жутко банально, Тэлли.

– Да ты что! Я так долго над этим вариантом трудилась! Я думаю, так мне было бы очень круто. Просто как Клеопатра.

– А знаешь, – заметила Шэй, – я читала, что настоящая Клеопатра вовсе не была такой уж раскрасавицей. Она всех сражала наповал своим блестящим умом.

– Ну да, да. А ты ее фотку видела?

– Тогда не было фотоаппаратов, Косоглазка.

– Вот-вот. Так откуда же тебе знать, что она была уродка?

– Оттуда, что так все время писали историки.

Тэлли пожала плечами.

– Может быть, она была самой настоящей классической красавицей, а они об этом даже не знали. У них тогда странные понятия о красоте были. Они представления не имели о биологии.

– Повезло им, – вздохнула Шэй и посмотрела за окно.

– Ну ладно, мои морфы тебе не нравятся, почему не покажешь мне свои? – Тэлли очистила уолл-скрин и плюхнулась на кровать.

– Не могу.

– Сконструировать можешь, а смотреть сил нет?

– Да нет, действительно не могу показать. Я никогда та-

¹ В медицине и биологии слово «морфология» обозначает все, что имеет отношение к внешнему виду. Морфология – наука о форме. (Прим. перев.)

кого не делала.

Тэлли от удивления широко раскрыла рот. С программой будущей внешности, позволявшей создавать морфы, баловались все, даже малые дети, у которых структура лица еще не устоялась окончательно. Помечтать о том, как ты будешь выглядеть, когда станешь красивым, – это занятие считалось неплохим способом скоротать время.

– Ни разу?

– Ну, может, в детстве. Но мы с друзьями уже давно перестали этим заниматься.

– Ясненько. – Тэлли села. – Ну, это мы сейчас исправим.

– Я бы лучше на скайборде полетала, – призналась Шэй и нервно сунула руку под рубашку.

Тэлли догадалась, что Шэй даже на ночь не снимает датчик и во сне летает на своем скайборде.

– Потом, Шэй. Просто поверить не могу, что у тебя нет ни единой морфы! Ну пожалуйста!

– Это глупо. Доктора – они же все сделают по-своему, что бы ты им ни говорила.

– Да знаю я, но ведь все равно это жутко весело.

Шэй красноречиво закатила глаза, но потом кивнула.

Встала с кровати, уселась перед уолл-скрином, убрала с лица пряди растрепавшихся волос.

Тэлли фыркнула.

– Ага, значит, ты все-таки этим занималась.

– Я же тебе сказала: когда маленькая была.

– Понятно.

Тэлли повернула на пальце кольцо-интерфейс и вывела на экран меню. Потом ей пришлось несколько раз моргнуть – глаза заменяли компьютерную мышь. Вмонтированная в экран камера сверкнула светом лазера, и лицо Шэй покрылось зеленой сеткой. Поле из зеленых квадратиков легло на ее скулы, нос, губы и лоб.

Через несколько секунд на экране возникло два лица. И то и другое принадлежали Шэй, но явно отличались одно от другого: первое было диковатым, немного сердитым, а второе имело несколько отстраненное, мечтательное выражение.

– Просто прелесть, как она работает, эта программка, правда? – сказала Тэлли. – Ну прямо два разных человека.

Шэй кивнула.

– Прикольно.

Все уродливые лица чуточку асимметричны – одна половинка обязательно не в точности повторяет другую. Поэтому морфологическая программа первым делом брала эти половинки и удваивала их, «зеркалила» ровно посередине, создавая два образца идеальной симметрии. Обе симметричные копии Шэй уже выглядели лучше оригинала.

– Ну, Шэй, какая твоя половинка тебе больше нравится?

– А почему я должна быть симметричной? Мне больше нравится лицо с разными половинками.

Тэлли простонала:

– Это – признак детского стресса. Всем неприятно на это смотреть.

– Ну нет, я вовсе не хочу, чтобы все видели, что у меня стресс, – фыркнула Шэй и указала на сердитое лицо. – Да ладно, подумаешь. По-моему, правое лучше. А ты как считаешь?

– Лично я свою правую половину терпеть не могу.

Я всегда с левой начинаю.

– Ну а я свою правую сторону очень люблю. Она круче.

– Хорошо. Тебе выбирать.

Тэлли моргнула, и «правостороннее» лицо заполнило весь экран.

– Сначала пройдемся по главным чертам лица.

Программа начала работать. Постепенно увеличился размер глаз, а нос, напротив, уменьшился. Приподнялись скулы, губы стали чуть более пухлыми (они у Шэй и так почти подходили под стандарт красоты). Все недостатки исчезли, кожа стала безукоризненно гладкой. Едва заметно изменилась форма черепа. Лоб немного отклонился назад, подбородок стал более четко очерченным, линия нижней челюсти – чуть более волевой.

Как только этот этап завершился, Тэлли присвистнула.

– Вот это да! Уже совсем неплохо.

– Просто блеск, – проворчала Шэй. – Как две капли воды похожа на любую новенькую красотулечку.

– Ну да, конечно, мы ведь только начали. Не поработать

ли нам с волосами?

Тэлли, часто моргая, быстро пробежалась по меню и стала выбирать для Шэй прически.

Как только изображение на уолл-скрине изменилось, Шэй повалилась на ковер, трясясь от смеха. Высокая прическа, появившаяся над ее тонким лицом, выглядела будто клоунский колпак, а светлые волосы совсем не сочетались с оливково-смуглой кожей.

Тэлли с трудом выговорила сквозь смех:

– Ладно, ладно... Ну, не так... – Она перебрала еще несколько стилей, стараясь не отходить слишком далеко от настоящих волос Шэй – темных и коротко стриженных. – Давай сначала с лицом закончим.

Она приподняла брови, чтобы их изгиб был более выразительным, немного округлила щеки. Шэй все еще выглядела слишком худой, даже после того, как программа постаралась довести параметры ее лица до средней нормы.

– Может быть, кожу немного осветлить?

Тэлли так и сделала.

– Послушай, Косоглазка, – сказала Шэй, – а это вообще кто?

– Это же просто игра, – примирительно проговорила Тэлли. – Сделать фотку?

– Нет, я хочу полетать на скайборде.

– Ладно, хорошо. Но сначала давай все сделаем, чтобы было классно.

– В каком смысле «классно», Тэлли? Может быть, я считаю, что мое лицо уже и так классное.

– Ну да, конечно. – Тэлли закатила глаза. – Для уродки. Шэй прищурилась.

– Что, смотреть на меня нету сил? Тебе нужна эта картинка, чтобы потом мысленно подменять ею мое настоящее лицо, когда будешь смотреть на меня?

– Шэй! Перестань! Это же только ради смеха.

– Заставлять себя чувствовать, что ты уродина, – ничего в этом нет смешного.

– Но ведь мы же и есть уродины.

– А вся эта игра для того и придумана, чтобы мы себя возненавидели.

Тэлли со стоном повалилась на кровать и вперила взгляд в потолок. Порой Шэй становилась жуткой занудой. Об операции она всегда говорила с ненавистью, словно кто-то заставлял ее стать шестнадцатилетней.

– Ну да, и уж конечно все было так круто, когда все до одного были уродами! Или ты скучаешь по тем временам? Забыла, как нам в школе про это рассказывали?

– Да помню я, – буркнула Шэй и принялась нас-мешливо цитировать: – «Каждый человек судил о другом по его внешности. Люди более высокого роста получали более хорошую работу. За некоторых политиков голосовали только потому, что они были не так уродливы, как все остальные». Ля-ля.

– Вот-вот. А еще люди убивали друг друга из-за такой

ерунды, как разный цвет кожи. — Тэлли покачала головой. Сколько бы ей ни твердили об этом в школе, вот в последнее она никак не могла поверить. — И что с того, что теперь люди стали больше похожи друг на друга? Ведь только так они могут стать равными.

— А как насчет того, чтобы они стали умнее?

Тэлли рассмеялась.

— Это вряд ли. А мы с тобой просто пытаемся себе представить, как будем выглядеть всего... через два месяца и пятнадцать дней.

— Неужели нельзя просто дождаться?

Тэлли закрыла глаза и вздохнула.

— Иногда мне кажется, что я не смогу.

— Ладно, сможешь.

Тэлли почувствовала, что Шэй села на ее кровать.

— Эй, — сказала она, легонько коснувшись руки Тэлли, — нам совсем не обязательно грустить. Ну что, пойдем займемся скайбордингом, а? Пожалуйста!

Тэлли открыла глаза и увидела, что ее подруга улыбается.

— Ладно, скайбординг так скайбординг. — Она села и посмотрела на экран на стене. Даже при том, что труда было приложено не так много, лицо Шэй уже стало очень привлекательным, милым, здоровым... красивым. — Тебе не кажется, что ты хороша собой?

Шэй на экран смотреть не стала. Она только пожала пле-

чами.

– Это не я. Такой меня небось представляет какая-нибудь комиссия.

Тэлли улыбнулась и обняла подругу.

– Ты будешь такой. Обязательно. Скоро.

Жуткая скука

– Думаю, ты готова.

Тэлли круто затормозила – правую ногу вперед, левую назад – и согнула колени.

– Для чего готова?

Шэй медленно проплыла мимо, поймав воздушный поток. Они улетели так высоко и далеко, как только можно было улететь на скайбордах, – выше верхушек деревьев на краю города. Просто удивительно, как быстро Тэлли привыкла к высоте, где от падения ее отделяли только доска да спасательные напульсники.

Вид открывался отсюда фантастический. Позади возвышались башни центра Нью-Красотауна, вокруг простирался зеленый пояс – полоса леса, отделявшая похорошевшую молодежь от красоток и красавцев зрелого возраста. Красивые люди постарше обитали в пригородах, скрытых за холмами. Там рядами стояли дома, отделенные один от другого небольшими личными садиками, где могли играть детишки.

Шэй улыбнулась.

– Готова к ночному полету.

– А, вот ты о чем. Послушай, я сама не знаю, хочется мне снова на тот берег или нет, – сказала Тэлли, вспомнив об обещании, данном Перису. За последние три недели они с Шэй показали друг другу множество всяких тайных трюков, но

с той ночи, когда познакомились, они ни разу не наведывались в Нью-Красотаун. – В смысле, до тех пор, пока мы не станем красивыми. После того раза там наверняка надзиратели на каждом...

– Я говорю не про Нью-Красотаун, – оборвала ее Шэй. – К тому же там скука смертная. Еще и красться всю ночь.

– Понятно. Ты хотела предложить полетать на скайбордах вокруг Уродвилля.

Шэй покачала головой. Ветерок медленно относил ее в сторону.

Тэлли неловко переступила на доске.

– А где же еще можно полетать?

Шэй сунула руки в карманы и расставила локти в стороны. В итоге ее форменная куртка превратилась в парус. Ветерок унес ее дальше от Тэлли. Тэлли инстинктивно встала на пятки, стараясь, чтобы ее скайборд не отстал.

– Мало ли где. Вон там, – отозвалась Шэй и кивком указала на просторы вокруг города.

– В пригороды? Но их же все называют «Скуковилль»!

– Я не про пригороды. Дальше.

Шэй сдвинула ноги в другую сторону, к самому краю доски. Подол ее юбки подхватил прохладный вечерний ветерок и понес ее еще быстрее. Она уплывала к дальней границе зеленого пояса. К черте, переступать которую не дозволялось.

Тэлли крепко уперлась ногами в доску, накренила ее вперед и догнала подружку.

– Ты что имеешь в виду? Вообще за город?

– Ага.

– Но это глупо. Ведь там ничего нет.

– Там много чего есть. Настоящие деревья, им по несколько сотен лет. Горы. И развалины. Ты хоть раз там была?

Тэлли озадаченно заморгала.

– Конечно.

– Не на школьной экскурсии, Тэлли. Ночью ты там была?

Тэлли резко остановила свой скайборд. Ржавые руины были развалинами древнего города, они служили скорбным напоминанием о тех временах, когда людей было слишком много и все они были невероятно тупы. И уродливы.

– Нет, конечно. И не говори мне, что ты была.

Шэй кивнула.

У Тэлли сам собой открылся рот.

– Не может такого быть.

– Ты что же, думаешь, только ты одна знаешь массу хитрых трюков?

– Ну, допустим, я тебе верю, – сказала Тэлли. Лицо Шэй приобрело такое выражение, что Тэлли по опыту знала: лучше с ней не спорить. – Но что, если нас поймают?

Шэй рассмеялась.

– Тэлли, там ничего нет. Ты ведь только что сама сказала. Ничего и никого, кто бы мог нас поймать.

– Да действуют ли там скайборды? Вообще хоть что-нибудь действует?

– Особые скайборды годятся, если знаешь, как их обдурить и куда лететь. А выбратся за пригороды проще просто. Надо просто все время лететь над рекой. Выше по течению – белая вода. Глайдеры туда не суются.

Тэлли снова раскрыла рот от удивления.

– Да ты и вправду там побывала.

Порыв ветра ударил по расправленной куртке Шэй, и девушка, задорно улыбаясь, снова отлетела в сторону от Тэлли. Тэлли опять пришлось наклонить свой скайборд вперед, чтобы догнать подругу. Ветки на верхушке дерева задели ее лодыжки. Земля пошла на подъем.

– Вот это будет класс, – крикнула Шэй.

– А мне кажется, это слишком рискованно.

– Перестань. Я хотела тебе это показать с тех пор, как мы познакомились. С тех пор, как ты мне рассказала про то, как испортила вечеринку красатулечкам – и устроила ложную пожарную тревогу.

Тэлли облизнула пересохшие губы. Она жалела о том, что в свое время не рассказала Шэй всей правды о той ночи – о том, что все на самом деле вышло случайно. Но она не рассказала, и теперь, похоже, Шэй считала ее самой смелой девочкой в мире.

– Ну, понимаешь... Дело в том, что эта заморочка с пожарной тревогой... Отчасти это получилось случайно. Вроде как.

– Ну, ясное дело.

– Я хочу сказать... Может быть, нам повременить немного. Осталось всего два месяца.

– Вот-вот, – кивнула Шэй. – Еще два месяца – и мы за реку носа не сунем. Станем занудными, скучными красотулечками.

Тэлли фыркнула.

– А мне кажется, что не так уж это скучно, Шэй.

– Делать то, что ты должен делать, – это всегда скучно. Не могу представить ничего ужаснее, чем когда тебе велят веселиться.

– А я могу, – тихо отозвалась Тэлли. – Я никогда не веселилась.

– Послушай, Тэлли, эти два месяца – последний шанс сделать что-нибудь действительно крутое. Побывать самими собой. Как только нас переделают, все пропало. Юная красотка, красотка средних лет, красотка-старуха. Все. – Она опустила руки, и ее скайборд перестал уплывать от Тэлли. – Потом – мертвая красотка.

– Это лучше, чем мертвая уродка.

Шэй пожала плечами и снова превратила свою куртку в парус. Они находились недалеко от границы зеленого пояса. Очень скоро Шэй должна была получить предупреждение. Потом ее доска начнет упрямиться.

– Кроме того, – добавила Тэлли, – то, что нам сделают операцию, вовсе не значит, что мы потом не сможем заниматься чем-то таким.

– Вот только красотульки ничем таким никогда не занимаются, Тэлли. Никогда.

Тэлли вздохнула и поставила ноги крепче, готовясь следовать за Шэй.

– Может быть, у них просто есть дела поинтереснее глупых детских шалостей. Может быть, веселиться на балах в городе лучше, чем слоняться посреди каких-то развалин.

Глаза Шэй сверкнули.

– А может быть, когда делают операцию – когда перемалывают и растягивают твои кости до нужной длины, когда срезают твое лицо, когда сдирают с тебя всю кожу и прилепляют пластиковые скулы, чтобы ты выглядела как все остальные, – может быть, когда ты через все это пройдешь, ты просто-напросто вообще перестанешь чем-нибудь интересоваться!

Тэлли вздрогнула. Она никогда не слышала, чтобы операцию описывали вот так. Даже на уроках биологии, когда они разбирались в деталях, все выглядело не так ужасно.

– Да ладно тебе. Мы даже ничего не почувствуем. Будем все время видеть прекрасные сны.

– Да уж, конечно.

У Тэлли в голове прозвучал голос: *Предупреждение. Запрещенная территория*. Солнце клонилось к закату, и ветер становился все холоднее.

– Шэй, давай возвращаться. Скоро ужин.

Шэй улыбнулась, помотала головой и сняла с пальца кольцо-интерфейс. Теперь она не услышит предупреждений.

– Давай полетим сегодня. Ты уже катаешься почти так же хорошо, как я.

– Шэй!

– Прогуляйся со мной. Я покажу тебе «амери-канские горки».

– Что еще за...

Второе предупреждение. Запрещенная территория.

Тэлли остановила свой скайборд.

– Если ты не остановишься, Шэй, нас поймают, и тогда уж мы точно сегодня ночью никуда не полетим.

Шэй пожалала плечами. Ветер унес ее дальше от Тэлли.

– Я просто хочу показать тебе, что такое повеселиться – по-моему, Тэлли. Пока мы не стали красотульками, пока нам не нужно веселиться по команде.

Тэлли покачала головой. Ей хотелось сказать Шэй, что та уже научила ее летать на скайборде и что лучше этого нет ничего на свете. Еще и месяца не прошло – а они стали почти что лучшими подругами. Тэлли чувствовала себя примерно так, как в детстве, когда познакомилась с Перисом. Тогда они сразу поняли, что всегда будут вместе.

– Шэй...

– Пожалуйста! Тэлли вздохнула.

– Ладно.

Шэй опустила руки и приподнялась на пятках, чтобы остановить скайборд.

– Честно? Сегодня?

– Конечно. Ржавые руины так Ржавые руины. Тэлли заставила себя расслабиться. На самом-то деле – что особенного? Она частенько нарушала правила, а раз в год к руинам регулярно водили школьников на экскурсию. Вряд ли там было что-то опасное.

Шэй удалилась от границы зеленого пояса, подлетела к Тэлли, обняла ее одной рукой.

– Вот погоди, увидишь реку!

– Ты сказала, там есть белая вода?

– Ага.

– И что это такое? Шэй улыбнулась.

– Вода, – ответила она. – Но очень-очень классная.

Пороги

– Спокойной ночи.

– Сладких снов, – ответила комната.

Тэлли надела куртку, прикрепила датчик к колечку на пупке и открыла окно. Ветра не было, поверхность реки была такой спокойной и ровной, что Тэлли видела, как в ней отражается город, до мельчайших подробностей. Похоже, красотки и красавчики отмечали какое-то особенное событие. С другого берега до Тэлли доносился рев огромной толпы. Тысячи восклицаний звучали разом и разом утихали. Под почти полной луной темнели бальные башни. Фейерверки всех оттенков голубого цвета взлетали так высоко, что взрывались бесшумно.

Еще ни разу город не казался Тэлли таким далеким.

– Скоро увидимся, Перис, – тихонько проговорила Тэлли.

Черепичная крыша была скользкой после дождя, начавшегося поздно вечером. Тэлли осторожно прошла к углу интерната, к которому прикасался ветвями старый платан. Тэлли хорошо знала каждую ветку на этом дереве, за которую можно было ухватиться, и быстро спустилась вниз, в темноту, сгустившуюся за установкой для переработки мусора.

Покидая зону интернатов, Тэлли оглянулась. Тени от построек лежали на дороге так удобно, что казалось, это нарочно подстроено. Ну, как если бы уродцам просто так полага-

лось время от времени смываться.

Тэлли покачала головой. Она начала рассуждать как Шэй.

Они встретились у плотины, где река разделялась на две части, одна из которых затем окружала кольцом НьюКрасотаун. Сегодня темноту не нарушал ни один глайдер. Шэй отработывала повороты на скайборде, когда подошла Тэлли.

– Разве стоит заниматься этим здесь, в черте города? – Тэлли попыталась перекрыть шум воды, прорывающейся в створ плотины.

Шэй пританцовывала на доске, раскачивалась из стороны в сторону, обходя воображаемые преграды.

– Я просто проверяла, все ли в порядке. Чтобы ты не боялась.

Тэлли посмотрела на собственный скайборд. Шэй заглушила систему управления безопасностью, чтобы доска помалкивала насчет ночного полета и пересечения границы города. Тэлли на самом деле не так сильно боялась того, что скайборды развопятся. Гораздо больше она опасалась, что доска вообще не полетит. А то и, чего доброго, позволит ей врезаться в дерево. Но скайборд Шэй вел себя вполне прилично.

– Я всю дорогу сюда летела, – сообщила Шэй, – и никто меня не заметил.

Тэлли опустила свой скайборд на землю.

– Спасибо, что ты все проверила. Вот уж не думала, что буду так трястись из-за всего этого.

– А ты и не трясешься.

– Еще как трясусь. Я должна тебе кое-что сказать. В ту ночь, когда мы с тобой встретились, я, можно сказать, дала клятву своему другу Перису, что больше никогда не буду так сильно рисковать. Ну, чтобы не попасть в большую беду, а то ведь, знаешь, они могут совсем рассвирепеть.

– Да кому какое дело, если и рассвирепеют? Тебе уже почти шестнадцать.

– А если они рассвирепеют так сильно, что не станут делать меня красивой?

Шэй перестала пританцовывать.

– Я про такое ни разу не слышала.

– Я тоже вроде бы. Но может быть, нам просто не говорили. Как бы то ни было, Перис взял с меня слово, что я буду вести себя осторожно.

– Тэлли, а тебе не кажется, что он взял с тебя это слово, чтобы ты больше туда не совалась?

– Что?

– Ну, может быть, он заставил тебя поклясться, что ты будешь вести себя осторожно, чтобы ты ему больше не докучала. Чтобы ты побоялась еще хоть раз показаться в Нью-Красотауне.

Тэлли хотела что-то ответить, но у нее губы пересохли.

– Послушай, если не хочешь лететь со мной, все нормально, – сказала Шэй. – Я честно, Косоглазка. Но нас ни за что не поймают. А если поймают, я возьму вину на себя. – Она

рассмеялась. – Скажу, что я тебя похитила.

Тэлли встала на скайборд и щелкнула пальцами. Оказавшись на одной высоте с Шэй, она сказала:

– Я полечу. Раз сказано, значит, полечу.

Шэй улыбнулась и на секунду сжала руку Тэлли.

– Круто. Будет здорово. Не так, как у новеньких красотулек, – по-настоящему здорово. Надень-ка.

– Что это такое? Инфракрасные очки?

– Не-а. Защитные. Чтобы ты лучше разглядела белую воду.

До белой воды они долетели уже через десять минут. Всю свою жизнь Тэлли прожила у реки. Медленная, напыщенная, она огибала город, обозначала границу между двумя мирами. Но Тэлли и не догадывалась о том, что всего в нескольких километрах вверх по течению от плотины величественная серебристая лента реки превращается в оскаленное чудовище.

Бурлящая вода действительно была белой. Она перекатывалась через камни, скользила по узким протокам, разлеталась озаренными луной брызгами, растекалась, стекалась и падала в кипящие котлы у подножия отвесных водопадов.

Шэй скользила по воздуху над самой поверхностью реки – так низко, что всякий раз, выполняя вираж, поднимала брызги. Тэлли следовала за ней, держась на безопасной, по ее мнению, высоте. Она надеялась, что ее одураченная перепрограммированием доска все же не даст ей врезаться в

окутанные тьмой скалы и ветки деревьев. Лес по обоим берегам выглядел черной бездной, полной диких древних деревьев, совсем не похожих на искусственно выведенные поглотители углекислого газа, растущие в городе. Озаренные луной облака в просветах между ветвями казались жемчужными сводами.

Всякий раз, когда Шэй вскрикивала, Тэлли понимала, что ей придется пролететь через стену брызг, поднятых водоворотом. Порой брызги сверкали во тьме подобно белым кружевным занавесам, а порой неожиданно возникали из темноты. Еще Тэлли время от времени окатывали струи ледяной воды, разбрызгиваемой Шэй при ее рискованных маневрах, но от этого был и прок: ледяной душ служил предупреждением, что сейчас нужно будет повернуть в ту или иную сторону.

Первые несколько минут показались Тэлли сущим кошмаром. Она так стиснула зубы, что у нее разболелись десны, разнылись от постоянного напряжения пальцы ног в новых туфлях-липучках, устали расставленные в стороны руки. Ей даже пальцы пришлось растопырить, чтобы удерживать равновесие. Но постепенно Тэлли привыкла к темноте, к реву воды внизу, к тому, что в лицо вдруг могут полететь холодные брызги. Так быстро, так далеко и так рискованно она еще ни разу не летала. Река вилась посреди темного леса, змеилась, уводя в неизвестность.

Наконец Шэй замахала руками и остановила свой скай-

борт, задрав его передний конец и проехавшись по воде задним. Тэлли взлетела повыше, чтобы ее не окатило водой, и, сделав в воздухе небольшой круг, плавно затормозила.

– Мы добрались?

– Не совсем. Но ты посмотри назад.

Обернувшись, Тэлли ахнула. Город, оставшийся далеко позади, казался яркой монеткой во тьме. Фейерверки Нью-Красотауна едва заметно мерцали холодным голубым светом. Видимо, девочки поднялись очень далеко вверх по течению реки; Тэлли видела пятна лунного света, медленно ползущие по невысоким холмам вокруг города. Казалось, эти пятна света подталкивает вперед легкий ветерок, на самом деле несущий по небу облака.

Тэлли никогда не бывала за чертой города ночью, никогда не видела его издалека при таком освещении.

Она сняла забрызганные водой очки и сделала глубокий вдох. Воздух был пропитан резкими запахами – смолой хвойных деревьев и ароматом диких цветов. Чувствовался наэлектризованный привкус бурной воды.

– Не слабо, а?

– Да, – выдохнула Тэлли. – Это лучше, чем шнырять по Нью-Красотауну.

Шэй довольно улыбнулась.

– Я ужасно рада, что ты так считаешь. Мне до смерти хотелось побывать тут не одной. Понимаешь?

Тэлли посмотрела в сторону леса, пытаясь взглянуть в

просветы между деревьями. Места и вправду были дикие, здесь мог затаиться кто угодно, а людям делать тут было нечего. Представив, что она здесь одна, Тэлли зябко поежилась.

– Куда теперь? – спросила она.

– Теперь пойдем пешком.

– Пешком?!

Шэй подлетела на скайборде к берегу и спрыгнула с доски.

– Примерно через полкилометра вон в той стороне есть залежи железной руды. Но туда придется топать ножками.

– Ты о чем?

– Тэлли, скайборды действуют по принципу магнитной левитации, не забыла? Обязательно нужно, чтобы внизу лежало что-то железное, иначе они не смогли бы летать.

– Ну да. Но в городе...

– В городе под землей повсюду лежит стальная решетка.

А тут надо вести себя очень осторожно.

– И что будет, если доска не сможет лететь?

– Она упадет. И спасательные напульсники не помогут.

– Ой...

Тэлли сошла с доски и взяла ее под мышку. Все мышцы после тяжелого полета у нее болели. Приятно было стоять на земле. Даже ступать по камням дрожащими ногами было приятнее, чем порхать над обманчивой рекой. Правда, через несколько минут ходьбы скайборд вроде как налился тяжестью. К тому времени, как шум реки стих позади, Тэлли ка-

залось, что она несет под мышкой толстенную дубовую доску.

– Вот не знала, что скайборды такие тяжелые.

– Ага, именно столько весит доска, когда она не парит в воздухе. Оказываясь в таких местах, понимаешь, как город морочит тебе голову и как все обстоит на самом деле.

На небе начали собираться тучи, в темноте воздух казался холоднее. Тэлли перехватила доску поудобнее. «Не пойдет ли дождь?» – подумала она. Она уже и так здорово промокла после полета над речными порогами.

– А мне, знаешь ли, иногда даже нравится, когда меня обманывают.

Они довольно долго пробирались между скал. Наконец Шэй нарушила молчание:

– Сюда. Здесь под землей – залежи железа. Ты уже должна почувствовать это по тому, как ведут себя твои спасательные напульсники.

Тэлли вытянула руку и недоверчиво нахмурилась. Но в следующую минуту она ощутила, как что-то легонько тянет к себе ее напульсник – будто невидимый призрак тащил ее вперед. Доска под мышкой стала легче. Вскоре они с Шэй уже снова парили над землей. Перелетев через гряды холмов, они оказались над темной долиной.

Только теперь Тэлли отважилась задать вопрос, который уже давно мучил ее:

– Но если скайбордам для полета необходим металл, как

же они действуют над рекой?

– Там они чувствуют золото.

– Что?

– Реки берут начало с ручьев, а ручьи вытекают из горных недр. Вода выносит из-под земли минералы. Так что на дне реки всегда есть металлы.

– Понятно. Поэтому раньше люди и промывали речной грунт в поисках золота?

– Вот именно. Но на самом деле скайборды предпочитают железо. Не все, что блестит, позволяет парить.

Тэлли сдвинула брови. Порой Шэй говорила загадками. Будто цитировала тексты песен какой-то группы, которую, кроме нее, больше никто не слушал.

Тэлли уже открыла рот, чтобы спросить ее об этом, но Шэй вдруг резко остановилась и указала вниз.

Тучи начали рассеиваться, лунный свет упал на дно долины. Вверх поднимались высокие башни, отбрасывали рваные тени. На фоне раскачивающихся на ветру верхушек деревьев безошибочно угадывались творения человеческих рук.

Ржавые руины.

Ржавые руины

Остовы зданий таращили пустые глазницы немногих уцелевших окон. Стекла давным-давно были выбиты, древесина сгнила, остались только металлическая арматура, бетон и камни, рассыпающиеся под натиском растительности. Тэлли смотрела на черные дверные проемы, и при мысли о том, что нужно будет войти в один из них, у нее по коже побежали мурашки.

Подруги заскользили по воздуху между полуразрушенными домами, держась на большой высоте. Они молчали, словно боялись потревожить призраков мертвого города. Внизу, на улицах, сгрудились обгоревшие автомобили, зажатые между стенами развалин. От чего бы ни разрушился этот город, люди старались покинуть его. Тэлли с последней школьной экскурсии запомнила: здешние машины не умели летать. Они просто катились по дорогам на резиновых колесах. Ржавники были заперты на этих улицах, будто стая крыс, угодившая в горящий лабиринт.

– А... Шэй, ты точно знаешь, что наши скайборды здесь не вздумают отрубиться?

– Не бойся. Кто бы ни построил этот город, металл они тратили напропалую. Ржавыми руинами это местечко называется вовсе не потому, что его открыл какой-то малый по кличке Ржавый.

Насчет металла Тэлли не могла не согласиться. У каждого дома отовсюду торчали прутья арматуры, будто кости скелета давно умершего зверя. Тэлли вспомнила о том, что ржавники не применяли гравиопоры; дома были не так стройны, как в Нью-Красотауне. Грубо сработанные, массивные, без стального каркаса, они бы попросту рухнули.

А некоторые из них были просто огромны. Ржавники не прятали заводы под землей и работали не дома, а собирались все вместе, как пчелы в улей. Самый маленький из здешних полуразрушенных домов был больше самого крупного интерната в Уродвилле, даже больше особняка Гарбо.

Почему-то сейчас, ночью, руины казались Тэлли намного более реальными. Во время школьных экскурсий учителя всегда старались выставить эти развалины как нечто невообразимо тупое. Просто не верилось, что люди могли жить вот так, что они вырубали деревья, чтобы расчистить землю, что они использовали нефть для обогрева жилищ и получения энергии, что они выжигали атмосферу своим оружием. Но сейчас, при свете луны, Тэлли вполне могла представить себе, как люди карабкаются по горящим автомобилям, пытаются бежать из разрушаемого города, чтобы не погибнуть под грудой металла и камней.

Из раздумий Тэлли вывел голос Шэй:

– Не отставай. Я хочу тебе кое-что показать.

Шэй помчалась туда, где заканчивались развалины домов. Перелетела через верхушки деревьев.

– Ты уверена, что нам можно...

– Вниз посмотри.

Тэлли увидела, что между деревьями блестит что-то металлическое.

– Территория руин намного больше, чем нам показывают, – объяснила Шэй. – Эту часть города специально выделили для школьных экскурсий и всякой там музейной ерунды. Но на самом деле руины простираются очень далеко.

– И везде полно металла?

– Ага. Тонны. Не бойся. Я тут все обследовала.

Тэлли сглотнула подступивший к горлу ком. Она поглядывала вниз, на руины, и радовалась тому, что Шэй летит не слишком быстро.

На фоне леса проступили очертания какого-то сооружения – длинная лента вздымалась и опадала, похожая на замороженную волну. Волна уходила вперед и терялась в темноте.

– Вот они.

– «Они»? Что это такое?

– Это называется «американские горки». Помнишь, я тебе обещала показать.

– Симпатичная штука. Но для чего она?

– Для веселья.

– Не может быть.

– Еще как может. Ржавники, видимо, все-таки умели развлекаться. Это что-то вроде рельсов. На них ставили маши-

ны и разгоняли их как можно быстрее. Вверх, вниз, по кругу. Почти как на скайборде, только не по воздуху. И сделана вся конструкция из нержавеющей стали – наверное, ради безопасности.

Тэлли нахмурилась. Она представляла себе ржавников только работающими в гигантских каменных ульях и пытающимися спастись, убежать из города в тот последний, жуткий день. Развлекающимися она их себе никак представить не могла.

– Давай покатаемся, – предложила Шэй. – Покатаемся на «американских горках».

– А как?

– Да на скайборде. – Шэй повернулась к Тэлли и серьезно проговорила: – Но лететь надо будет очень быстро. Не успеешь повернуть – рискуешь свернуть шею.

– Почему?

– Увидишь.

Шэй развернулась и полетела вниз вдоль колеи аттракциона, держась прямо над рельсами. Тэлли вздохнула и устремилась за подругой. По крайней мере, эта конструкция была металлической.

«Американские горки» чем-то напоминали трассу для скайборд-слалома, но только стоящую над землей и изобилующую крутыми поворотами. Резкие подъемы сменялись длинными спусками, встречались и петли, пролетая над которыми Тэлли переворачивалась вниз головой, и тогда на

доске ее удерживали спасательные магнитные напульсники. Оставалось только удивляться тому, что аттракцион в таком хорошем состоянии. Как сказала Шэй, ржавники, видимо, построили его из какого-то особенного металла.

Рельсы поднимались на такую высоту, куда скайборд сам по себе подняться бы не мог. Катание на скайборде над «американскими горками» действительно напоминало птичий полет.

Описывая широкую плавную дугу, колея вела девочек к тому месту, с которого они начали катание. Финальный отрезок пути начинался с длинного крутого подъема.

– Тут надо порезвее! – прокричала Шэй, обернувшись через плечо и устремившись вперед.

Тэлли помчалась за ней на самой большой скорости. Пулей взлетая над рельсами, она видела вдалеке руины – полуразрушенные черные башни над верхушками деревьев. А дальше – мерцание, блики. Может быть, море. Вот это высота так высота!

Оказавшись на вершине подъема, Тэлли услышала восторженный визг. Шэй исчезла из виду. Тэлли наклонилась вперед и прибавила скорость.

И вдруг доска отделилась от ее ступней. Просто упала, а Тэлли осталась в воздухе. Рельсы внизу исчезли.

Тэлли сжала кулаки, ожидая, что спасательные напульсники сработают и поднимут ее вверх. Но они стали такими же бесполезными, как доска. Тяжелые стальные браслеты толь-

ко тащили ее вниз, к земле.

– Шэй! – прокричала Тэлли, падая во мрак.

И тут она увидела впереди ажурный каркас аттракциона. Отсутствовал только маленький отрезок пути.

Неожиданно спасательные напульсники потянули ее вверх, и она почувствовала, как к ее ступням прикоснулась твердая поверхность скайборда. Инерция несла ее к другому краю провала! Те несколько секунд, пока Тэлли падала, скайборд, судя по всему, летел совсем близко, у нее под ногами.

Вскоре она уже неслась над рельсами. Внизу ее поджидала Шэй.

– Ты чокнутая! – крикнула ей Тэлли.

– А круто, скажи?

– Нет! – взвизгнула Тэлли. – Почему ты не сказала мне, что «горки» сломаны?

Шэй пожала плечами.

– Но так же веселее, а?

– Веселее? – У Тэлли бешено колотилось сердце и странным образом обострилось зрение. Ее переполняли злость, облегчение и... радость. – Ну... типа того. И все равно ты обманщица!

Тэлли сошла с доски и на ватных ногах побрела по траве. Нашла более или менее большой камень и села на него.

Шэй прыгнула со своего скайборда.

– Эй, прости меня.

– Это было ужасно, Шэй. Я падала, по-настоящему падала!

– Недолго. Всего-то секунд пять. Ты ведь говорила, что прыгала с крыши дома.

Тэлли сердито зыркнула на Шэй.

– Да, прыгала, но тогда я точно знала, что не шмякнусь на землю.

– Верно. Но понимаешь, когда мне в первый раз показали «американские горки», мне тоже ни слова не сказали про разрыв. И мне показалось, что это очень здорово – не знать про него. Первый раз – самый лучший. Мне хотелось, чтобы ты это тоже почувствовала.

– Ты решила, что падать – это здорово?

– Ну может быть, в первый раз я таки рассердилась. Да, точно, рассердилась. – Шэй весело улыбнулась. – Но потом перестала злиться.

– Значит, мне нужно время, чтобы перестать.

– Я подожду.

Тэлли стала дышать медленнее, и ее сердце постепенно успокоилось и перестало пытаться выскочить из грудной клетки. Но в голове у нее царила все та же странная пустота, как на протяжении кратких секунд свободного падения. Она гадала, кто первым нашел «американские горки» и сколько еще уродцев и дурнушек побывало здесь с того дня.

– Шэй, кто тебе показал «горки»?

– Друзья, они старше меня. Такие же некрасивые, как мы

с тобой, кому интересно узнать, как эта штука действует. И как ее можно перехитрить.

Тэлли окинула взглядом змееподобный силуэт древнего аттракциона, по ажурным опорам которого ползли вверх лианы.

– Интересно, давно ли уродцы приходят сюда?

– Думаю, давно. Все время ведь на что-то натыкаешься. Один придумывает, как перепрограммировать свой скайборд, второй находит речные пороги, следующий добирается до руин.

– А потом кто-то набирается храбрости и пере-прыгивает через разлом в «американских горках». – Тэлли облизнула пересохшие губы. – Или случайно перелетает через него.

Шэй кивнула.

– Но в конце концов все становятся красотульками.

– Счастливый конец, – сказала Тэлли.

Шэй пожала плечами.

– А кстати, откуда ты знаешь, что эта штуковина называется «американские горки»? Где-то прочла?

– Нет, – ответила Шэй. – Мне сказали.

– А они откуда узнали?

– Этот парень знает много всякого. Про разные фокусы с программированием, про руины. Он очень классный.

Что-то в голосе Шэй заставило Тэлли повернуться к ней и взять ее за руку.

– Но теперь он, наверное, уже красавец.

Шэй отстранилась и прикусила зубами ноготь.

– Нет. Не красавец.

– Но я думала, что все твои друзья...

– Тэлли, можешь дать слово? Настоящую клятву?

– Могу, наверное. А что за клятва?

– Что никогда никому не расскажешь про то, что я тебе покажу.

– Падать больше не придется?

– Нет.

– Ладно. Клянусь. – Тэлли подняла руку со шрамиком, оставшимся после того, как они с Перисом поклялись друг другу в вечной дружбе. – Никогда никому ничего не расскажу.

Пару секунд Шэй пытливо смотрела ей в глаза.

– Хорошо, – кивнула она. – Я хочу тебя кое с кем познакомить. Сегодня.

– Сегодня? Но ведь мы же не вернемся в город до...

– Он не в городе. – Шэй улыбнулась. – Он здесь.

В ожидании Дэвида

– Это шутка, да?

Шэй не ответила. Они вернулись в центр полуразрушенного города и оказались в тени, отбрасываемой самым высоким домом. Шэй запрокинула голову и смотрела на здание. Ее взгляд показался Тэлли странным.

– Кажется, я помню, как это сделать.

– Что сделать?

– Как туда проникнуть. Ага, вот он.

Шэй немного подала свой скайборд вперед, пригнулась и нырнула в пролом в полураскрошившейся стене.

– Шэй?

– Не бойся. Я не в первый раз.

– Мне кажется, на сегодня с меня уже хватит посвящений, Шэй.

Тэлли совсем не хотелось становиться жертвой еще одной шутки. Она устала, а предстоял еще неблизкий путь до Уродвиля. Вдобавок завтра была ее очередь делать уборку в интернате, и она никак не могла проспать весь день, хотя было лето.

И все же Тэлли следом за Шэй нырнула в пролом. Это было проще, чем начинать спор. Железный каркас здания помог скайбордам подняться вверх. Страшновато было находиться внутри и видеть за пустыми окнами зубчатые силу-

эты других домов. Живи здесь призраки – наверное, вот так они на протяжении веков глядели на рассыпающийся в прах у них на глазах город.

Крыши у этого дома не было, и наверху перед девочками предстало необыкновенное зрелище. Тучи окончательно развеялись, лунный свет резко и ясно освещал руины. Дома стали подобны рядам сломанных зубов. Тэлли поняла, что с вершины «американских горок» она действительно видела океан. А отсюда при свете луны вода выглядела как сверкающая бледно-серебристая ткань. Шэй что-то вытащила из рюкзака и разломала пополам.

Мир озарился вспышкой пламени.

– Ой! Ты что, ослепить меня решила? – вскрикнула Тэлли и закрыла глаза ладонями.

– Ох, да. Прости.

Шэй выставила перед собой руку с фальшфейером. Он ярко полыхал в безмолвии, царящем в руинах, и отбрасывал на внутренности здания пляшущие тени. Лицо Шэй, озаренное этим слепящим светом, выглядело жутковато. Искры, отлетавшие от факела, падали вниз и терялись в глубинах полуразвалившегося дома.

Наконец фальшфейер догорел. Тэлли заморгала – перед глазами у нее плясали пятна. Теперь она мало что различала в темноте, кроме луны на небе.

Она облизнула пересохшие губы, поняв, что свет фальшфейера можно было увидеть с любого места в долине. Может

быть, даже с берега моря.

– Шэй, это был сигнал?

– Да, сигнал.

Тэлли посмотрела вниз. Темные дома наполнились призрачными отблесками света. У нее в глазах все еще сверкали отсветы пламени фальшфейера. Осознав, насколько у нее нарушилось зрение, Тэлли почувствовала, как по спине сбегает капелька холодного пота.

– А с кем мы должны встретиться?

– Его зовут Дэвид.

– Дэвид? Странное имя. – Тэлли почему-то пока-залось, что оно выдуманное. Она снова решила, что все это шутка. – Так он должен просто сюда прийти? На самом деле он не в руинах живет?

– Нет. Он живет довольно далеко отсюда. Но может оказаться неподалеку. Иногда он бывает здесь.

– Ты хочешь сказать, что он из другого города?

Шэй посмотрела на нее, но в темноте Тэлли не различила выражения лица подруги.

– Да, что-то типа того.

Шэй снова устремила взгляд в сторону горизонта. Она словно бы ждала сигнала в ответ на свой. Тэлли плотнее запахнула куртку. От неподвижности она вдруг почувствовала, как похолодало. «Интересно, который час?» – подумала она. Без кольца-интерфейса нельзя было просто взять и спросить.

Почти полная луна проделала больше половины своего

пути по небу – значит, было уже за полночь. Об этом Тэлли помнила из уроков астрономии. Только оказавшись за городом, вдруг начинаешь вспоминать многое из того, что тебе в школе рассказывали о природе, и эта дребедень оказывается не такой уж и бесполезной. Теперь Тэлли вспомнила о том, как дождевая вода падает на горы, как просачивается в землю, а потом вытекает на поверхность, наполнившись минералами. Потом вода устремляется к морю и на протяжении столетий прорезает в почве русла рек и глубокие ущелья. Если бы жить здесь, можно было бы летать на скайборде над реками, как в стародавние времена, до того, как возникли Ржавые руины. Тогда нормальные люди, еще не ставшие ржавниками, плавали по рекам в маленьких лодках, сделанных из дерева.

Постепенно глаза Тэлли снова привыкли к темноте, и она обвела взглядом горизонт. Не мелькнет ли там вспышка в ответ на сигнал Шэй? Тэлли надеялась, что не мелькнет. Она еще никогда не встречала ни одного человека из другого города. В школе им рассказывали, что в некоторых городах говорят на других языках, а в некоторых не становятся красивыми до восемнадцати лет и что там еще много всякого странного, непривычного.

– Шэй, может быть, нам уже пора вернуться домой?

– Давай еще немножко подождем.

Тэлли прикусила нижнюю губу.

– Послушай, может быть, этого Дэвида сегодня ночью тут

нет.

– Да, может быть. Наверное. Но я очень надеялась, что он будет. – Она повернула голову и посмотрела на Тэлли. – Было бы очень классно, если бы ты с ним познакомилась. Он... другой.

– Похоже на то.

– Я не выдумываю, понимаешь?

– Эй, я тебе верю, – сказала Тэлли, хотя с Шэй порой трудно было во что-то поверить.

Шэй отвернулась от горизонта и стала кусать ногти.

– Ладно. Похоже, его все-таки нет. Если хочешь, можно трогаться в обратный путь.

– Просто уже правда поздно, а лететь долго. А у меня завтра дежурство по уборке.

Шэй кивнула.

– У меня тоже.

– Спасибо, что показала мне все это, Шэй. Все было просто невероятно. Но, пожалуй, еще одна крутая вещь меня бы просто убила.

Шэй рассмеялась.

– Не убили же тебя «американские горки»!

– Почти убили.

– Ты меня уже простила за это?

– Когда прощу, скажу, Худышка.

Шэй снова рассмеялась.

– Идет. Но не забудь: никому не говори про Дэвида.

– Эй, я же пообещала. Ты можешь доверять мне, Шэй. Честно.

– Ладно-ладно. Я тебе доверяю, Тэлли.

Шэй согнула ноги в коленях, и ее скайборд начал опускаться.

Тэлли в последний раз огляделась по сторонам, обвела взглядом раскинувшиеся вокруг развалины, темные леса, жемчужную полосу реки, струившейся к сверкающей глади моря. «Вправду ли где-то там кто-то есть, или Дэвид – просто какая-то выдумка, которой уродцы и дурнушки пугают друг дружку?» – подумала она. Но Шэй испуганной не выглядела. Она, похоже, на самом деле здорово расстроилась из-за того, что никто не ответил на ее сигнал. Как будто встреча с Дэвидом могла стать еще лучше, чем полет над порогами, чем руины и «американские горки».

«Существует он на деле или нет, – подумала Тэлли, – для Шэй этот Дэвид, похоже, самый что ни на есть настоящий».

Они выскользнули из пролома в стене и полетели к окраине полуразрушенного города, а потом – вдоль подземных залежей железной руды – к цепи холмов, замыкающих в кольцо долину. Ближе к холмам скайборды начали барахлить, пришлось приземлиться. Но как ни устала Тэлли, теперь ей было уже не так тяжело нести доску. Она перестала думать о скайборде как об игрушке, как о детском воздушном шарике. Скайборд стал чем-то более серьезным, чем-то, повинующимся своим собственным правилам и порой способным

стать опасным.

Тэлли пришла к выводу: насчет одного Шэй, безусловно, права. Если долго торчать в городе, все становится фальшивым. Там очень многое не совсем настоящее – дома и мосты, удерживаемые на месте гравіопорами, прыжки с крыши в спасательных куртках. Тэлли радовалась тому, что Шэй взяла ее на эту вылазку к руинам. По крайней мере, она получила еще одно напоминание о том, что может произойти, если вести себя неосторожно.

Ближе к реке скайборды стали легче, девочки с радостью вскочили на них и полетели назад в город.

Шэй простонала:

– Не знаю, как ты, а я сегодня ночью больше никуда и шагу не сделаю.

– Я тоже, можешь не сомневаться.

Шэй наклонилась вперед, направила свой скайборд к реке и застегнула форменную куртку, чтобы защититься от водяных брызг. Тэлли в последний раз оглянулась назад. Когда облака рассеивались, руины еще были видны. Она моргнула. Ей показалось, что в той стороне, где высятся «американские горки», мелькнул огонек. А может быть, это была просто игра света, лунный блик на поверхности незаржавевшего металла.

– Шэй? – негромко окликнула подругу Тэлли.

– Ты летишь или как? – послышался голос Шэй, пытавшейся перекричать шум реки.

Тэлли снова моргнула, но вспышку на этот раз не разглядела. В любом случае, они уже были слишком далеко. Скажи она Шэй об этом огоньке – и та, чего доброго, решит вернуться к руинам. А Тэлли ни за что на свете не полетела бы с ней.

К тому же ей запросто могло померещиться. Тэлли сделала глубокий вдох и крикнула:

– Лечу, Худышка! Давай наперегонки!

Она направила скайборд к реке. Ее окатило холодными брызгами. На несколько секунд она оставила хохочущую Шэй позади.

Ссора

– Полюбуйся на них. Цыплята ощипанные.

– Неужели мы тоже когда-то так выглядели?

– Наверное. Но если мы тоже были такими, это вовсе не значит, что они – не ощипанные цыплята.

Тэлли кивнула, пытаюсь вспомнить себя в двенадцать лет и то, каким показался ей интернат в самый первый день. И она вспомнила, что здание произвело на нее устрашающее впечатление, поскольку было намного больше дома ее родителей, Сола и Элли, и даже больше тех домиков, куда они малышами ходили в начальную школу, – там места хватало только для учителя и десяти учеников.

А теперь спальный корпус казался ей таким маленьким и тесным, неприятно детским из-за ярких красок и лестниц с мягким покрытием. Здесь было так скучно днем, отсюда было так легко улизнуть ночью...

Новые уродцы сбились в кучку, они боялись отойти слишком далеко от учителя-экскурсовода. Запрокинув головы, они смотрели на четырехэтажное здание интерната, и их глаза были полны восторга и ужаса.

Шэй отстранилась от открытого окна.

– Порезвимся на славу, – заключила она.

– Эту экскурсию они никогда не забудут.

Через две недели заканчивалось лето. За последний год

ребят в интернате Тэлли становилось все меньше – старшим исполнялось шестнадцать. Очень скоро придет пора новичкам занять их места. Тэлли смотрела, как входят в здание интерната последние уродцы, испуганные, с вытаращенными глазенками, растрепанные, недисциплинированные. Двенадцать лет – этот возраст определенно служит поворотным пунктом. В двенадцать лет из умненького малыша ты вдруг становишься уродцем, переростком и недоучкой.

Этот период жизни Тэлли была рада оставить позади.

– Ты уверена, что эта штука сработает? – спросила Шэй.

Тэлли улыбнулась. Не так-то часто осторожность проявляла не она, а Шэй. Она ткнула пальцем в воротник спасательной куртки.

– Видишь маленький зеленый огонек? Это означает, что все действует. Куртка предназначена для чрезвычайных ситуаций, поэтому она всегда готова сработать.

Шэй сунула руку под форменную футболку и потрогала датчик, прикрепленный к колечку на пупке. Это означало, что она нервничает.

– А если она поймет, что на самом деле никакой чрезвычайности нет?

– Не настолько она умна. Ты падаешь – она тебя ловит и держит. Никакие фокусы не нужны.

Шэй пожала плечами и надела куртку.

Куртку они позаимствовали в школе искусств, самом высоком здании в Уродвилле. Запас таких курток хранился в

подвале, и девочкам даже не пришлось хитрить с ящиком, в котором лежали куртки. Тэлли нисколько не хотелось, чтобы ее поймали из-за ложной пожарной тревоги, — ведь надзиратели могли связать этот случай с происшествием в Нью-Красотауне в начале лета.

Поверх куртки Шэй натянула большущий баскетбольный свитер такого цвета, который полагался ребятам из этого интерната. В лицо ее здесь мало кто из учителей знал.

— Ну как я выгляжу?

— Как будто потолстела немножко. Тебе идет.

Шэй скривилась. Она терпеть не могла, когда ее обзывали Богомолем или Вешалкой или прилепляли еще какие-то клички, на которые уродцы не скупились. Иногда Шэй заявляла, что, если ей не сделают операцию, она ничуть не огорчится. Глупости, конечно. Шэй полной уродиной не была, но не была она и красавицей от рождения. Таких красивых людей всего-то насчитывалось с десятков, не больше.

— А ты не хочешь прыгнуть, Косоглазка?

— Я там уже бывала и прыгала, Шэй, еще до того, как с тобой познакомилась. И между прочим, это тебе пришла в голову столь блестящая мысль.

Шэй улыбнулась.

— А мысль блестящая, скажи?

— Они ни за что не догадаются, что это такое на них налетело.

Они спрятались в библиотеке. Там они поджидали нович-

ков. Наконец те явились и уселись за столы. Им должны были показать какой-то ознакомительный видеофильм.

Шэй и Тэлли лежали на животе на верхних полках стеллажей, где хранились старые пыльные бумажные книги, и наблюдали за новичками, ожидая, когда появится инструктор и утихомирит щебечущих уродцев.

– Уж больно легко, – сказала Шэй, приклеивая густые черные брови поверх собственных.

– Тебе-то легко. Ты выскочишь за дверь, когда никто еще толком не успеет понять, что случилось. А мне еще по лестнице бежать.

– Ну и что, Тэлли? Что нам сделают, если поймают?

Тэлли пожала плечами.

– Верно, – шепнула она, но все же натянула на голову пепельно-русый парик.

К концу лета уже почти всем их одноклассникам исполнилось шестнадцать, и те превратились в красоток и красавцев. А оставшиеся стали безобразничать на полную катушку. Но почему-то так получалось, что почти никого не наказывали, и Тэлли уже казалось, что клятву Перису она дала сто лет назад. Вот станет красоткой – и все, что случилось за этот месяц, будет не важно. Ей не терпелось оставить все это позади, но напоследок она была не прочь от души повеселиться.

Вспомнив о Перисе, Тэлли приклеила себе большой пластиковый нос. Прошлой ночью они совершили налет на помещение театрального класса в интернате Шэй и набрали

там уйму париков, накладных бровей, носов и прочих вещей для изменения внешности.

– Ты готова? – спросила она. И хихикнула. Получилось гнусаво из-за накладного носа.

– Секундочку. – Шэй схватила с полки большую толстую книгу. – Ладно, шоу начинается.

Они одновременно вскочили.

– Отдай мне эту книжку! – крикнула Тэлли. – Она моя!

Они слышали, что уродцы внизу замолкли. Большого труда подружкам стоило не посмотреть вниз, на испуганные мордашки новичков.

– А вот и нет, Пятачок! Я ее первая взяла.

– Ты что, шутишь, Толстуха? Ты и читать-то не умеешь!

– Да? Не умею? А ты вот это почитай!

Шэй размахнулась и швырнула книгу в Тэлли. Та увернулась, книгу поймала, запустила ею в Шэй и попала по поднятым вверх рукам. От удара Шэй покачнулась и перевалилась через боковую планку стеллажа.

Тэлли, наклонясь вперед, вытаращенными глазами следила за тем, как Шэй летит вниз. Расстояние до пола на нижнем ярусе библиотеки составляло три этажа. Новенькие уродцы хором завизжали и разбежались в стороны от размахивающей руками и ногами девочки, падающей прямо на них.

В следующую секунду сработала спасательная куртка, и Шэй взмыла в воздух, оглушительно и дико хохоча. Тэлли подождала еще несколько секунд. Страх новичков сменил-

ся изумлением: Шэй снова подпрыгнула вверх, а потом приземлилась на стол и опрометью помчалась к двери.

Тэлли бросила книгу, слезла со стеллажа и побежала к лестнице. Одолевая за один прыжок по целому пролету, она устремилась к выходу из корпуса.

– О, это было что-то!

– Ты их рожи видела?

– Не очень, – призналась Шэй. – Я не спускала глаз с пола, летевшего мне навстречу.

– Да, я помню, когда я с крыши летела, со мной было то же самое. Земля как-то привлекает внимание.

– Кстати, о рожах. Нос-тоними.

Тэлли хихикнула и отлепила от лица нос.

– Да уж, нет смысла быть уродливее, чем обычно.

Шэй нахмурилась. Она отклеила накладную бровь и сердито зыркнула на Тэлли.

– Ты не уродка.

– Перестань, Шэй.

– Я не шучу. – Она протянула руку и прикоснулась к носу Тэлли. – У тебя классный профиль.

– Не говори глупостей, Шэй. Я уродка, ты тоже. И такими нам быть еще две недели. Но ничего в этом нет ужасного. – Она расхохоталась. – У тебя, например, одна бровь косматая, а вторая тонюсенькая.

Шэй отвела взгляд и принялась молча снимать с себя остатки грима.

Они спрятались в раздевалке у песчаного пляжа, где до того оставили свои кольца-интерфейсы и одежду. Если бы кто-то спросил, они бы сказали, что все это время купались. Купание в реке представляло собой грандиозный способ надувательства. При этом тебя никто не сумеет разыскать по температуре тела, а ты можешь без труда сменить одежду. К тому же это служило прекрасным оправданием при ответе на вопрос, почему на тебе нет кольцаинтерфейса. Река смывала все преступления.

Еще через минуту они уже плескались в воде, утопив все гримировальные принадлежности. Спасательную куртку они собирались попозже вернуть на место – положить в ящик в подвале школы искусств.

– Я серьезно говорю, Тэлли, – сказала Шэй, как только они вошли в воду. – Нос у тебя совсем не уродливый. И глаза твои мне тоже нравятся.

– Мои глаза? Ну это уже просто полный бред. Они же... ну, как говорится, слишком близко посажены.

– Кто это говорит?

– Биология.

Шэй набрала в пригоршню воды и плеснула на Тэлли.

– Ты же не веришь во всю эту дребедень, правда? В то, что существует только одна разновидность внешности и что все запрограммированы с этим соглашаться?

– При чем тут «веришь» или «не веришь», Шэй! Это просто все знают, вот и все. *Они* выглядят... чудесно.

– Они все на одно лицо!

– Мне тоже так казалось. Но когда мы с Перисом пробирались в Нью-Красотаун, мы их там много повидали и поняли, что красивые хороши по-разному. Каждый выглядит по-своему, просто различия более тонкие, потому что они – не уроды.

– И мы не уроды, Тэлли. Мы – нормальные. Пусть мы не писанные красавицы, но, по крайней мере, мы – не куклы Барби, у которых нет ничегошеньки своего.

– Что это еще за куклы?

Шэй отвела взгляд.

– Мне про них Дэвид рассказывал.

– Блеск. Опять Дэвид.

Тэлли оттолкнулась ступнями ото дна и поплыла на спине, глядя на небо и желая, чтобы этот разговор поскорее закончился. Они еще несколько раз побывали на руинах, и Шэй всякий раз настаивала на своем и зажигала фальшфейер, но Дэвид так ни разу и не появился. Тэлли становилось здорово не по себе из-за того, что они в мертвом городе поджидали, соизволит ли явиться какой-то парень, которого, может, и на свете-то нет. Да, осматривать руины было очень классно, но Тэлли уже начало казаться, что Шэй просто чокнулась на этом Дэвиде, и поэтому от вылазок на руины она получала все меньше и меньше радости.

– Он существует. И я с ним не один раз встречалась.

– Хорошо, Шэй. Дэвид существует. Он реален. Но точно

так же реально уродство. И тут ничего не изменить одним своим желанием или тем, что ты станешь себе твердить: «Я – красотка!» Поэтому-то и придумали операцию.

– Но это обман, Тэлли. Всю свою жизнь ты видела красивые лица. Твои родители, твои учителя – все, кто старше шестнадцати. Но ты не родилась с ожиданием, что тебя все время будут окружать сплошные красавцы. Тебе вбили в голову мысль о том, что все прочее – уродство. Тебя так запрограммировали.

– Это не программирование, это естественная реакция. И, что гораздо важнее, это справедливо. В прошлом все происходило как попало. Одни рождались более или менее красивыми, а другие оставались уродцами на всю жизнь. А теперь уродливы все... пока не похорошеют. Неудачников нет.

Шэй немного помолчала и сказала:

– Неудачники есть, Тэлли.

Тэлли поежилась. Все знали про «пожизненных уродов» – тех немногих, у кого операция прошла неудачно. Они редко попадались на глаза. Им разрешалось появляться на публике, но многие предпочитали уединение. А кто бы не предпочел на их месте? Юные уродцы выглядели так себе, но они хотя бы были молоды. А вот старые уроды – нет, это было что-то неопишемое.

– Ты про это? Ты боишься, что операция пройдет неудачно? Глупости, Шэй. С тобой все нормально. Через две недели будешь такой же красоткой, как все.

– Я не хочу быть красоткой.

Тэлли вздохнула. Начинай сказку сначала...

– Меня тошнит от этого города, – не унималась Шэй. – Меня тошнит от правил и запретов. Меньше всего на свете мне хочется стать пустоголовой новоявленной красотулькой и круглые сутки плясать на балу.

– Да перестань, Шэй. Они занимаются тем же самым, что и мы: прыгают с высоты в спасательных куртках, катаются на скайбордах, запускают фейерверки. Только им ничего не надо делать тайком.

– Да у них просто воображения не хватит, чтобы что-то сделать тайком!

– Послушай, Худышка, я с тобой согласна, – резко выговорила Тэлли. – Шалости, фокусы – это все прикольно. Я разве против? Нарушать правила, безобразничать – это классно. Но наступает время, когда приходится делать что-то еще, а не просто быть хитрой маленькой уродкой.

– Ага, например, стать занудной и тупой красотулькой?

– Нет – например, повзрослеть. Ты никогда не задумывалась о том, что, когда ты становишься красивой, тебе, может быть, перестают быть нужными всякие фокусы, обманы и хулиганство? Может быть, только из-за уродства уродцы всегда дерутся и подкалывают друг дружку – потому что они сами себе не рады. А я прежде всего хочу радоваться и выглядеть как нормальный человек.

– А мне не страшно выглядеть так, как я выгляжу, Тэлли.

– Может, и нет. Но ты боишься взрослеть!

Шэй ничего не ответила. Тэлли молча плыла и смотрела на небо. Она так злилась, что даже не замечала облаков. Ей хотелось стать красивой, хотелось снова увидеть Периса. Ей казалось, что прошла целая вечность с той ночи, когда она разговаривала с ним, – да и вообще, если на то пошло, с кем-нибудь еще, кроме Шэй. Ей до смерти надоело все уродское, и она ужасно хотела, чтобы все это поскорее закончилось.

Через минуту она услышала ритмичные всплески. Шэй поплыла к берегу.

Последняя шалость

Странно, но Тэлли почему-то загрустила. Она поняла, что будет тосковать по этому виду из окна.

Последние четыре года она то и дело смотрела из окна на Нью-Красотаун, и ей хотелось только одного: оказаться на другом берегу реки и никогда не возвращаться обратно. Вот почему, наверное, ее так часто подмывало вылезти из окна, чтобы потом любым способом подобраться поближе к красоткам и красавцам и тайком понаблюдать за жизнью, ожидающей ее в будущем.

Но теперь, когда до операции оставалась всего неделя, Тэлли стало казаться, что время бежит слишком быстро. Порой Тэлли думала, как хорошо было бы, если бы операцию делали постепенно. Допустим, сначала доктора занялись бы ее косящими глазами, потом – губами. Тогда и на другой берег она переселилась бы не сразу. Тогда бы ей не пришлось смотреть в окно в последний раз и понимать, что она ничего этого больше никогда не увидит.

Без Шэй Тэлли все время чего-то не хватало. Она все чаще просто сидела на кровати у окна и смотрела, смотрела, смотрела на Нью-Красотаун.

Конечно, в эти последние дни больше и делать было особенно нечего. В интернате остались ребята только младше Тэлли, и она уже поделилась с учениками старшего класса

всеми своими хитростями. Она уже по десять раз просмотрела все фильмы, хранившиеся в памяти уоллскрина, — даже несколько старинных черно-белых, где герои разговаривали на таком английском, что Тэлли едва понимала их речь. Не с кем было ходить на концерты, а спортивные соревнования между корпусами смотреть стало совсем неинтересно, потому что Тэлли никого не знала в командах. Все другие уродцы косились на нее с завистью, но никто не выказывал особого желания подружиться. Нет, пожалуй, все же лучше было пройти операцию сразу. Все чаще и чаще Тэлли мечтала о том, чтобы врачи просто похитили ее посреди ночи и прооперировали. Она могла представить вещи пострашнее, чем проснуться поутру и обнаружить, что ты стала красавицей. В школе ходили слухи, что теперь врачи уже умеют делать операции пятнадцатилетним. А до шестнадцати заставляют ждать только из-за глупой старой традиции. Но с этой традицией никто спорить не собирался — кроме считанных уродцев. Словом, Тэлли предстояло целую неделю ожидать своей судьбы в одиночестве.

Шэй не разговаривала с ней с того дня, когда они вдрызг разругались. Тэлли пыталась написать подруге, но стоило ей увидеть перед собой слова на софт-скрине, как она снова начинала злиться. Она решила, что сильно переживать не стоит. Как только они обе станут красотками, спорить будет не о чем. И даже если Шэй ее возненавидела, у нее остается Перис и все их старые друзья, которые ждут ее на другом берегу

реки, — друзья с огромными глазами и чудесными улыбками.

И все же довольно часто Тэлли задумывалась о том, как будет выглядеть Шэй, когда станет красавицей — когда ее фигурка типа «кожа да кости» обретет соблазнительные формы, когда ее пухлые губы станут еще красивее, а неровные обгрызенные ногти сменятся новыми, идеальными. Наверное, ее глазам придадут более темный оттенок зеленого цвета. А может быть, цвет изменят и сделают глаза другими — фиалковыми, серебристыми или золотистыми.

— Эй, Косоглазка!

Услышав шепот, Тэлли сильно вздрогнула. Вглядевшись в темноту, она увидела силуэт, крадущийся к ней по черепичной крыше. Ее лицо озарилось улыбкой.

— Шэй!

Силуэт на мгновение замер.

Тэлли даже не удосужилась перейти на шепот.

— Да не торчи ты там! Иди сюда, тупица!

Шэй с хохотом влезла в окно, и Тэлли крепко, радостно и тепло обняла ее. Держась за руки, они еще несколько секунд постояли, глядя друг другу в глаза. В эти секунды некрасивое лицо Шэй показалось Тэлли совершенным.

— Как же я рада тебя видеть.

— Я тоже рада, Тэлли.

— Я скучала по тебе. Я хотела... Прости меня за...

— Не надо, — прервала ее Шэй. — Ты была права. Я собиралась написать тебе, но получалась какая-то... — Она вздох-

нула.

Тэлли понимающе кивнула и сжала руки Шэй.

– Да. Я тоже пробовала. Получалась полная ерунда.

Они еще немного постояли, не говоря ни слова. Тэлли устремила взгляд за спину подруги, в открытое окно. Неожиданно вид Нью-Красотауна перестал казаться таким печальным. Он стал ярким и привлекательным. Словно все сомнения разом рассеялись. Открытое окно снова манило к себе.

– Шэй?

– Да?

– Давай выберемся куда-нибудь сегодня ночью. Отколем что-нибудь по-настоящему крутое.

Шэй рассмеялась.

– Я так надеялась, что ты это скажешь!

Тэлли только теперь обратила внимание на то, как одета Шэй. А та явно собралась на нешуточную вылазку: вся в черном, волосы стянуты в тугий узел, на плече – рюкзак. Тэлли усмехнулась.

– Как вижу, у тебя уже есть что-то на уме. Отлично.

– Да, – негромко отозвалась Шэй. – У меня есть кое-какие соображения.

Она подошла к кровати Тэлли и сняла с плеча рюкзак. Ее обувь при ходьбе поскрипывала, и Тэлли улыбнулась, увидев, что на ногах у подруги – туфли с подошвами-липучками. Тэлли уже несколько дней не летала на скайборде. Полеты в одиночестве превращались в тяжелую нагрузку и почти

наполовину лишались радости.

Шэй вывалила на кровать содержимое своего рюкзака и, тыкая в вещи пальцем, начала перечислять:

– Навигатор. Фальшфейер. Очиститель воды. – Она показала Тэлли две блестящие подушечки размером с сэндвич. – Они раздуваются и превращаются в спальные мешки. И внутри них очень тепло.

– Спальные мешки? – переспросила Тэлли. – Очиститель воды? Наверное, ты задумала нешуточную вылазку на несколько дней. Мы что, до самого моря доберемся или как?

Шэй покачала головой.

– Дальше.

– О, круто. – Тэлли не переставала улыбаться. – Но у нас до операции – всего шесть дней.

– Я отлично помню, какое сегодня число. – Шэй открыла водонепроницаемый мешок и присоединила его содержимое к общей куче. – Продукты на две недели – обезвоженные. Просто бросаешь кубик в очиститель и добавляешь воду. Любую воду. – Она хихикнула. – Очиститель так классно работает, что в него можно даже пописать.

Тэлли села на кровать и стала читать наклейки на пакетах с едой.

– На две недели?

– На две недели для двоих, – осторожно уточнила Шэй. – Для одного человека – на четыре.

Тэлли молчала. Ей вдруг стало нестерпимо смотреть на

продукты и походный инвентарь, грудой лежавшие на кровати, и даже на Шэй. Она уставилась в окно, на Нью-Красотаун, над которым уже взлетали первые фейерверки.

– Но две недели не потребуется, Тэлли. Это гораздо ближе.

Над самым центром города вверх взвился красный сноп, и щупальца искр и дыма повисли, будто ветви гигантской плакучей ивы.

– На что не потребуется две недели?

– На дорогу до того места, где живет Дэвид.

Тэлли кивнула и зажмурилась.

– Там все не так, как здесь, Тэлли. Там никого не разлучают, не отделяют уродцев от красавцев, молодежь от взрослых и стариков. И жить можешь где пожелаешь, и ходить куда хочешь.

– Например?

– Да куда твоей душе угодно. Руины. Лес, море. И... тебе не нужно будет делать операцию.

– Что ты сказала?!

Шэй села рядом с Тэлли и прикоснулась к ее щеке кончиком пальца. Тэлли открыла глаза.

– Мы не обязаны выглядеть как все остальные, Тэлли, и вести себя как все остальные. У нас есть выбор. Мы можем взрослеть так, как пожелаем сами.

Тэлли сглотнула подступивший к горлу ком. Она словно бы лишилась дара речи, но понимала, что должна что-то ска-

зять. Она выдавила слова из пересохшего рта:

– Не становиться красивыми? Но это бред, Шэй. Когда ты раньше так говорила, я думала, ты просто болтаешь глупости. И Перис, помнится, такую же чушь нес.

– Я действительно болтала глупости. Но когда ты сказала, что я боюсь взрослеть, ты на самом деле заставила меня задуматься.

– Я? Заставила тебя задуматься?

– Ты заставила меня понять, насколько у меня голова забита всякой ерундой. Тэлли, я должна раскрыть тебе еще одну тайну.

Тэлли вздохнула.

– Ладно. Хуже вряд ли будет.

– Мои друзья – те, что старше меня... ну, те, с которыми я тусовалась, пока не встретила тебя. Они не все стали красотульками.

– Что ты хочешь сказать?

– Некоторые из них убежали. И я собираюсь бежать. Я хочу, чтобы мы сбежали вместе.

Тэлли заглянула Шэй в глаза. Ей ужасно хотелось найти во взгляде подруги хоть самый крошечный намек на то, что все это – шутка. Но Шэй смотрела на нее совершенно серьезно. Она не шутила, это факт.

– Ты знаешь кого-то, кому на самом деле удалось бежать? Шэй кивнула.

– Я тоже должна была уйти. Мы все продумали – пример-

но за неделю до того, как первому из нас должно было исполниться шестнадцать. Мы успели украсть походное снаряжение и сказали Дэвиду, что пойдем с ним. Все было решено. Это было четыре месяца назад.

– Но вы не...

– Некоторые ушли, а я струсила. – Шэй посмотрела в окно. – И не только я одна. Еще пара ребят остались и превратились в красотулек. Я бы, наверное, последовала их примеру, если бы не познакомилась с тобой.

– Со мной?

– Я вдруг перестала быть одинокой. Мне стало не страшно прилетать на руины и искать там Дэвида.

– Но ведь мы же ни разу... – Тэлли часто заморгала. – Ты в конце концов нашла его, да?

– Только два дня назад. Я каждую ночь туда летала с того дня, как мы с тобой... поругались. Ты сказала, что я боюсь взрослеть, и я поняла, что ты права. Один раз струсила, но больше не должна.

Шэй сжала руку Тэлли и выждала, пока та не встретила с ней взглядом.

– Я хочу, чтобы ты тоже ушла со мной, Тэлли.

– Нет, – ответила Тэлли не раздумывая. Покачала головой. – погоди. Но как же так вышло, что ты мне раньше об этом не говорила?

– Я хотела. Но ведь ты бы наверняка подумала, что у меня крыша съехала.

– А она у тебя и съехала!

– Может быть. Но не так, как ты думаешь. Вот почему мне так хотелось, чтобы ты познакомилась с Дэвидом. Чтобы ты поняла, что все это по-настоящему.

– Не верится что-то. И что это за место, о котором ты говоришь?

– Оно называется Дым. Это не город, и там никто не командует. И нет красотулек.

– Просто страшный сон. И как туда добираться? Пешком?

– Шутишь? – рассмеялась Шэй. – На скайбордах полетим, как обычно. Есть такие особые скайборды для полетов на большие расстояния. Они работают на солнечных батареях. Маршрут специально проложен вдоль рек, ну, и так далее. Дэвид на таком скайборде до самых Ржавых руин долетает. Он отведет нас в Дым.

– Но как же там живут люди, Шэй? Как ржавники? Рубят деревья и отапливают дома дровами? Бросают мусор где попало? Это неправильно – жить на природе, если только ты не собираешься жить как животное.

Шэй покачала головой и вздохнула.

– Это все школьная болтовня, Тэлли. У них есть разная техника. И они вовсе не как ржавники – дрова там и прочая чушь. Но они не строят стену между собой и природой.

– И все до одного уроды.

– А это значит, что уродов нет вообще.

Тэлли натужно рассмеялась.

– Это значит, что нет красивых.

Какое-то время они сидели молча. Тэлли смотрела на то, как на другом берегу взлетают и гаснут фейерверки. Теперь на душе у нее стало в тысячу раз тяжелее, чем раньше, до прихода Шэй.

Наконец Шэй произнесла те слова, которые вертелись у Тэлли на языке:

– Я потеряю тебя, да?

– Но это ведь ты собираешься бежать.

Шэй сжала кулаки и стукнула ими по коленкам.

– Я сама виновата. Надо было тебе раньше все рассказать. Было бы у тебя больше времени, чтобы привыкнуть к этой мысли, и тогда ты, может быть...

– Шэй, я бы никогда не привыкла к этой мысли. Я не хочу на всю жизнь оставаться уродкой. Я хочу, чтобы у меня были большие глаза и пухлые губы, хочу, чтобы все на меня смотрели и ахали. Чтоб все, кто меня увидит, сразу думали: «Кто это такая?», чтобы всем хотелось со мной познакомиться и послушать, что я скажу.

– Вот мне-то точно будет что сказать.

– Например? «Я сегодня подстрелила волка и сожрала его»?

Шэй хихикнула.

– Люди не едят волков, Тэлли. Кроликов, по-моему, едят. И еще, кажется, оленей.

– Ну просто блеск. Спасибо, Шэй, я все очень живо пред-

ставила.

— А я, наверное, перейду на рыбу и овощи. Но дело-то не в том, как жить и что есть. Дело в том, чтобы стать такой, какой я хочу стать. А не такой, какой я должна стать, по мнению какого-то гадского хирургического консилиума.

— Какой ты внутренне была, такой ты и останешься, Шэй. Просто, когда ты красивая, на тебя обращают больше внимания.

— Не все так думают.

— Ты уверена? Уверена в том, что сможешь одолеть эволюцию только за счет того, что будешь умницей, что с тобой будет интересно потрепаться? Ведь если ты ошибаешься... если ты не вернешься к тому времени, когда тебе исполнится двадцать лет, с операцией ничего не выйдет. Ты всегда будешь выглядеть неправильно.

— Я не вернусь, Тэлли. Никогда.

У Тэлли запершило в горле, но она заставила себя сказать:

— А я не пойду с тобой.

Они попрощались около плотины.

Скайборд Шэй, предназначенный для полетов на большие расстояния, был толще обычного. Его поверхность поблескивала ячейками солнечных батарей. Из тайника под мостом Шэй вытащила куртку и шапку с обогревом. Тэлли догадалась, что зимы в Дыме холодные и тоскливые.

— Ты всегда можешь вернуться. Если тошно станет.

Шэй пожала плечами.

– Никто из моих друзей не вернулся.

От этих слов Тэлли стало здорово не по себе. Напрашивалось много разных жутких объяснений тому, что никто не возвратился обратно.

– Будь осторожна, Шэй.

– Ты тоже. Ты ведь никому про это не расскажешь?

– Ни за что, Шэй.

– Клянешься? Ни за что на свете? Что бы ни случилось?

Тэлли подняла руку со шрамом.

– Клянусь.

Шэй улыбнулась.

– Верю. Просто нужно было спросить перед тем, как я...

Она вытащила из кармана сложенный листок бумаги и протянула Тэлли.

– Что это такое? – Тэлли развернула листок и увидела рукописный текст. – Когда ты научилась писать от руки?

– Мы все научились, когда собрались бежать. Неплохая уловка, если не хочешь, чтобы майндеры читали твой электронный дневник и что-то там вынюхивали. В общем, это для тебя. Я не должна оставлять никаких координат места, куда направляюсь, поэтому тут все вроде как закодировано.

Тэлли нахмурилась и прочла первую строчку, написанную с наклоном:

– «По горкам мчась, через пролом лети, лети стрелой».

– Ага. Ясно? Это ведь только ты сможешь понять, а если кому другому попадется на глаза, он нипочем не догадается,

что это значит. В смысле, если ты когда-нибудь решишь последовать за мной.

Тэлли хотела что-то сказать, но не смогла. Смогла только кивнуть.

– На всякий случай, – подсказала ей Шэй. Она прыгнула на свой скайборд и, щелкнув пальцами, вдела руки в лямки рюкзака. – До свидания, Тэлли.

– До свидания, Шэй. Хотелось бы...

Шэй ждала. Скайборд чуть подпрыгивал в воздухе на холодном сентябрьском ветру. Тэлли пыталась представить себе, как подруга старится, как ее лицо бороздят морщины, как ее тело постепенно разрушается – и все это при том, что она никогда не была красавицей. Она никогда не научится правильно одеваться, танцевать бальные танцы. Никто не заглянет ей в глаза и не придет в восторг от ее красоты.

– Хотелось бы увидеть, как ты будешь выглядеть, – сказала Тэлли. – Когда станешь красоткой, в смысле.

– Боюсь, придется тебе смириться и запомнить мое лицо таким, – с усмешкой проговорила Шэй.

Потом она отвернулась, и ее скайборд, постепенно набирая высоту, полетел к реке. Тэлли что-то крикнула ей вслед, но рев воды, прорывающейся в створ, заглушил ее слова.

Операция

В день своего рождения Тэлли в одиночестве ждала, когда за ней прилетит аэромобиль.

Завтра, когда закончится операция, родители будут встречать ее около больницы, а с ними вместе – Перис и другие ее старые друзья, уже ставшие красивыми. Такова была традиция. Но теперь ей казалось странным то, что ее никто не провожает, так сказать, на этой стороне. Никто не попрощался с ней, кроме нескольких проходивших мимо уродцев. Теперь все они казались Тэлли такими малявками – особенно новички, двенадцатилетки, которые глазели на нее так, словно она была грудой костей динозавра.

Она всегда любила независимость, но сейчас чувствовала себя так, словно она совсем маленькая и всех остальных родители уже забрали после школы домой, а она осталась одна, всеми брошенная и покинутая. Угораздило же ее родиться в сентябре.

– Тебя ведь Тэлли зовут, да?

Она подняла голову. Это был уродец-двенадцатилетка. Он явно еще не успел здесь освоиться, держался неловко и смущенно одергивал форменную куртку, словно она была ему мала.

– Да.

– Так это тебя сегодня заберут и ты похорошеешь?

– Меня, Коротышка.

– А чего же ты тогда такая грустная?

Тэлли пожала плечами. Что он мог понять, этот полумальш, полууродец? Она задумалась о том, что говорила об операции Шэй.

Вчера Тэлли в последний раз обмерили, сделали множество томограмм. Должна ли она была сказать этому новенькому уродцу о том, что уже сегодня, ближе к вечеру, ее тело вскроют, потом придадут ее костям правильную форму, одни из них удлинят, другие утолстят. Носовой хрящ и скулы удалят и заменят программируемым пластиком, кожу снимут и на ее место «посеют» новую, как траву на футбольном поле весной. Сказать ему об этом? А еще о том, что на ее глазах сделают лазерным лучом надрезы, в результате чего она на всю жизнь обретет идеальное зрение, а под радужку вживят имплантаты, из-за которых ее невыразительно-карие глаза засияют золотистыми искорками? Что ее мышцы получат взбадривающую дозу электрического тока, что весь ее детский жирок уберут раз и навсегда? Что зубы заменят керамикой, крепостью не уступающей крылу сверхзвуковых самолетов, а белизной – лучшему фарфору? Рассказать ему про все это? Говорили, что это совсем не больно – кроме новой кожи, которая пару недель побаливает, как если бы ты сильно обгорел на солнце.

В голове у Тэлли вертелись детали операции. Теперь она лучше понимала, почему убежала Шэй. Ну почему для того,

чтобы просто выглядеть определенным образом, надо пройти через такое испытание? Если бы только люди были умнее, если бы они были развиты настолько, чтобы относиться ко всем одинаково, даже если кто-то выглядит иначе! Если кто-то урод.

О, если бы Тэлли только могла придумать вескую причину, которая заставила бы подругу остаться...

Она несколько дней подряд вела воображаемые разговоры, но они стали намного более напряженными и резкими, чем после ухода Периса. Тысячу раз она мысленно спорила с Шэй. Это были долгие жаркие диспуты о красоте, биологии, взрослении. Всякий раз, когда они выбирались на руины, Шэй высказывала свои мысли об уродцах и красотках, о городе и о том, что находилось дальше пригорода, о ложном и истинном. Но Тэлли ни разу не подумала заподозрить, что ее подруга и в самом деле может убежать из города, отказаться от жизни, наполненной красотой, блеском, изяществом. О, если бы только она сказала Шэй что-то верное... Хоть что-нибудь.

А теперь она сидела здесь, и ей казалось, что она даже не пыталась сказать ничего такого.

Тэлли посмотрела новенькому уродцу прямо в глаза.

– Потому, – сказала она, – что все сводится вот к чему: две недели у тебя жутко болит кожа, как будто ты обгорел на солнце. Но это стоит перетерпеть, чтобы потом на всю жизнь стать красивым.

Мальчишка оторопело поскреб затылок.

– Чего-чего?

– Я должна была так сказать, но не сказала. Вот и все.

Наконец прилетел больничный аэромобиль и опустился на школьную площадку так легко, что свежескошенная трава почти не шевельнулась.

В кабине сидел взрослый красавец, всем своим видом излучавший уверенность и авторитет. Он был настолько похож на Сола, что Тэлли чуть было не назвала его именем своего отца.

– Тэлли Янгблад? – осведомился водитель. Тэлли уже успела заметить вспышку света, означавшую, что рисунок ее радужки проверен, но ответила:

– Да, это я.

Было в этом мужчине что-то такое, отчего сразу становилось ясно: с ним шутить не стоит. Воплощенная мудрость, а поведение настолько серьезное и официальное, что Тэлли пожалела о том, что не нарядилась торжественно.

– Ты готова? Вещей у тебя немного.

Ее дорожная сумка была заполнена только наполовину. Все знали, что большую часть вещей, которые свежеиспеченные красавцы и красотки перевозят с собой через реку, все равно отправляют на переработку. У нее будет и новая одежда, и любые новые хорошенькие вещицы, какие она только пожелает. Вот что она действительно бы хотела сохранить, так это записку Шэй, написанную от руки. Записка была

спрятана между наспех уложенными в сумку вещами.

– Мне хватит.

– Молодец, Тэлли. Это сказано очень по-взрослому.

– Так и есть, сэр.

Дверца кабины закрылась, аэромобиль взмыл ввысь.

Большая больница находилась в Нью-Красотауне, на самом берегу реки. Именно сюда поступали для серьезных операций все – и малыши, и уродцы. Даже старые красотки и красавцы из Дряхвилля проходили здесь курсы продления жизни.

Река сверкала под безоблачным небом, и Тэлли позволила себе забыть обо всем и погрузиться в любование прелестью Нью-Красотауна. Даже без ночной иллюминации и фейерверков город искрился стеклом и металлом. Невероятные шпили бальных башен отбрасывали стройные тени на весь остров. «Ведь это настолько чудеснее Ржавых руин, – вдруг увидела Тэлли. – Может быть, тут не темно и не таинственно, но зато куда более живо».

Пора было перестать горевать о Шэй. Предстояла жизнь, подобная непрекращающемуся празднику в окружении красивых людей. Таких, какой вот-вот станет она, Тэлли Янгблад.

Аэромобиль опустился на один из красных крестов, нарисованных на крыше больницы. Водитель провел Тэлли внутрь и проводил в приемное отделение. Регистраторша нашла в списке фамилию Тэлли, идентифицировала ее по ри-

сунку радужки и велела подождать.

– Не заскучаешь одна? – спросил водитель.

Тэлли посмотрела в его ясные добрые глаза. Ей очень хотелось, чтобы он остался. Но ей показалось, что, если она попросит его остаться, это будет как-то не по-взрослому.

– Нет-нет, все нормально. Спасибо.

Водитель улыбнулся и вышел.

Кроме Тэлли, в приемной никого не было. Она откинулась на спинку кресла и стала считать плитки на потолке. Пока она ждала, в ее памяти опять возникли разговоры с Шэй, но здесь они ее не так тревожили. Теперь было слишком поздно передумывать.

Тэлли жалела о том, что в комнате нет окна, чтобы можно было полюбоваться Нью-Красотауном. Она была так близка к цели. Она представляла себе завтрашнюю ночь, свою первую ночь в облике красотки. Она видела себя в новой чудесной одежде (ее форменное уродское тряпье безжалостно отправят в переработку), стоящей на вершине самой высокой бальной башни. Она будет стоять там и смотреть, как на другом берегу гаснут огни, потому что в Уродвилле ложатся спать, а у нее в распоряжении еще будет целая ночь с Перисом и новыми друзьями, и со всеми красотками и красавцами, с которыми она познакомится.

Она вздохнула.

Шестнадцать лет. Наконец-то.

Прошел долгий час. Никто не появлялся. Тэлли сидела,

барабания пальцами по подлокотнику кресла. «Интересно, здесь всегда нужно так долго ждать?» – гадала она.

А потом пришел мужчина.

Он выглядел необычно. Он не походил на кого-либо из красавцев, которых довелось видеть Тэлли. Он явно был среднего возраста, но тот, кто делал ему операцию, видимо, напортачил. Он, несомненно, был красив, но это была жестокая красота. Вместо мудрости и уверенности этот человек излучал холод, высокомерие, непререкаемую власть, словно какой-то царственный хищный зверь. Когда он подошел к Тэлли, она открыла было рот, чтобы спросить, в чем дело, но мужчина взглядом заставил ее умолкнуть.

Тэлли еще никогда не встречала взрослого, который бы производил на нее такое впечатление. Встречаясь лицом к лицу со взрослыми или пожилыми красотками и красавцами, она всегда испытывала к ним уважение. Но в присутствии этого жестоко-красивого мужчины к уважению примешивался страх. Мужчина сказал:

– С твоей операцией возникли сложности. Пойдем со мной.

И Тэлли пошла.

Комиссия по чрезвычайным обстоятельствам

Аэромобиль оказался больше, но не столь комфортабельным, как больничный, а полет показался Тэлли совсем не таким приятным. Мужчина со странной внешностью вел машину с агрессивным нетерпением. Она то падала камнем между линиями воздушных маршрутов, то выписывала на поворотах крутые виражи – совсем как скайборд. Раньше Тэлли никогда не укачивало в воздухе, но на этот раз она вцепилась в ремни безопасности так, что костяшки ее пальцев побелели от напряжения. Она не сводила глаз с земли, проносящейся внизу, и успела заметить, как промелькнула и через мгновение осталась позади окраина Красотауна.

Они направились вниз по течению реки, пролетели над Уродвиллем, пересекли зеленый пояс и транспортное кольцо, за которым из земли торчали крыши заводов. Рядом с высоким бесформенным холмом аэромобиль снизился к площадке, находившейся между комплексом прямоугольных построек. Они были такими же невысокими, как корпуса интернатов в Уродвилле, а их стены имели цвет жухлой травы.

При посадке аэромобиль сильно трянуло. Мужчина повел Тэлли к одному из зданий. Внутри они попали в лабиринт желто-коричневых коридоров. Тэлли еще никогда не

видела, чтобы такие большие пространства окрашивались в такие ядовитые цвета. Казалось, здесь все предназначено для того, чтобы обитателей здания слегка мутило.

На пути им попадались люди, внешне похожие на провожатого Тэлли.

Все эти люди были красиво одеты, в костюмы из натурального шелка черного и серого цветов, и у всех у них лица имели одно и то же ястребиное выражение. И мужчины и женщины были выше обычных красавцев и красоток и отличались более мощным телосложением. А вот глаза у них были блеклые, как у уродов. Встречались среди них и люди с нормальной внешностью, но они как-то терялись среди этих хищников, грациозно вышагивающих по коридорам.

«Может быть, – гадала Тэлли, – сюда доставляют тех, у кого операция прошла неудачно и красота получилась жестокой?» Но почему же тогда она оказалась здесь? Ведь у нее вообще не дошло до операции. Что, если этих людей нарочно сделали такими страшными? Неужели вчера, когда ее обмерили, стало ясно, что она не годится, что из нее никогда не получится трогательная большеглазая красотка? Может быть, ее и вправду отобрали, чтобы переделать и оставить в этом странном ином мире?

Мужчина остановился перед металлической дверью. Тэлли встала у него за спиной. Она вдруг ощутила себя маленькой девочкой, которую на незримой веревочке ведет майндер. Стоило ей увидеть в больнице этого человека – и вся

ее уверенность шестнадцатилетней дурнушки мигом испарилась. Четыре года хитрых фокусов и независимости – псу под хвост.

Дверь обследовала рисунок радужки провожатого Тэлли и открылась. Он знаком велел Тэлли войти. Только тут Тэлли поняла, что с того момента, как он вошел в приемное отделение больницы, этот человек не сказал ни слова. Она вдохнула поглубже. Мышцы грудной клетки отзывались болью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.